

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

FRIENDS, WORDS, TABLES

Festschrift for the 75th birthday of
Anna Polivanova

Edited by A. Keidan

INTERBOK

Stockholm

2020

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

Сборник статей в честь 75-летия
А. К. Поливановой

Под редакцией А. В. Кейдана

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

Москва – Екатеринбург

2020

УДК 81+82
ББК Ш1
Д 76

Д 76 Друзья, слова, таблицы: сборник статей в честь 75-летия А. К. Поливановой / под ред. А. В. Кейдана. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. — XVIII+502 с. : ил.
ISBN 978-5-6044025-3-5

Сборник включает статьи по широкому кругу вопросов, связанных с языкознанием, — от экспериментальной фонетики до теоретической фонологии, от общей и исторической лингвистики до филологии и литературоведения, от логики до семантики и лексикографии. Статьи приурочены к 75-летию юбилею А. К. Поливановой. Заключает сборник подборка мемуарных материалов.

Адресовано лингвистам и всем, кто интересуется проблемами языка и семантики.

УДК 81+82
ББК Ш1

© Авторы, 2020
© Interbok, 2020

Книга издана при финансовой поддержке
Университета Сапиенца, Рим, Италия

This book has been published with financial assistance
of Sapienza University of Rome, Italy

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. В. Кейдан

От составителя — XI

Список авторов — XIII

ЧАСТЬ I СТАТЬИ

П. М. Аркадьев

Опыт парадигматического описания готского языка — 1

Л. А. Блюменфельд / L. Blumenfeld

Взаимодействия сегментных преобразований в абстрактной грамматике — 50

Е. В. Бречалова

О линейризации актантов в корейском предложении — 62

А. Д. Вентцель / A. Wentzell

Нечто о математической лингвистике и о лингвистике. II — 80

В. И. Гаврилова

Переходность, залог и энергетика процессов изменения неодушевленных субстанций — 114

А. Ди Манно / A. Di Manno

Закон Вакернагеля в старославянском языке — 132

И. С. Добровольский

**Орфография редуцированных в славяно-русских рукописях:
принципы описания — 143**

Л. Л. Иомдин

**Ни при чем: об одной микросинтаксической конструкции
с отрицанием — 160**

И. Б. Иткин

Взыскую истины: опыт о глаголе *взыскать* — 169

А. В. Кейдан / A. Keidan

**Грамматическая типология и эффективность сравнительных
конструкций — 179**

Л. Е. Коган / L. Kogan

Этюды по эблаитской грамматике — 209

О. Ф. Кривнова, К. А. Патрикеева

**Методы делексикализации речевого сообщения, их тестирование
и оценка результатов — 222**

Л. И. Куликов / L. Kulikov

**Ориентированность, асимметрия и неизоморфизм в грамматике:
к постановке проблемы — 240**

И. А. Мельчук / I. Mel'čuk

**Статья как статья: *писать так писать!* О синтаксических
идиомах — 259**

Е. В. Муравенко

**Русские производные предлоги: препозиция, постпозиция,
циркумпозиция — 279**

И. С. Пекунова

О двухвариантности склонения в славянских языках — 295

М. Р. Пентус

**О преподавании математической логики будущим
лингвистам — 317**

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

А что? — 323

- Б. А. Равдин
К. Симонов, «К. Симонов» и К.С. в поднемецкой печати 1943–1944 гг. — 329
- Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус / F. Rozhanskiy, E. Markus
О норме в бесписьменных языках (на примере водского и ижорского) — 338
- З. Салони / Z. Saloni
Грамматическая система и ее словарное описание — 353
- С. Г. Татевосов
Заметки о русском виде: четыре конспекта — 365
- Р. Д. Тименчик / R. Timenchik
Об одном меме Ахматовой — 391
- О. В. Федорова
Чем занимается «настоящая» психолингвистика — 403
- К. А. Чанкальини / С. А. Ciancaglini
Косвенные свидетельства озвончения древнеиранского *-k- в среднеперсидском — 417
- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев
Глагол жить и его производные: материалы к «Толково-словообразовательному словарю русского языка» — 437
- Н. М. Якубова
Грузинский глагол глазами начинающего — 457

ЧАСТЬ II МЕМУАРЫ

- М. М. Бурас, М. А. Кронгауз
Попытка оправдания — 487
- Г. Е. Крейдлин
Анне Константиновне к ее юбилею. Небольшое эссе — 491
- А. П. Лычагина
Об Анюточке — 492

А. В. Кейдан

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Этот сборник подготовлен друзьями, коллегами и учениками Анны Константиновны Поливановой к ее 75-летию.

После долгих раздумий о том, как расположить собранные статьи, стало ясно, что друзей у АКП так много и занимаются они настолько разными темами, что единственное возможное решение — поставить статьи в алфавитном порядке. Так мы и поступили, обособив в сборнике два раздела: собственно статьи, а также мемуарные заметки в том жанре, который сама АКП однажды метко окрестила жанром «негрустных воспоминаний». Алфавитный порядок соблюдается внутри каждого из разделов. Фамилии авторов, работающих за границей, продублированы латиницей. Отдельным списком даны аффилиации авторов раздела *Статьи*.

Название книге мы постарались дать максимально емкое и звучное, дабы не наводить скуку на потенциального читателя юбилейным пафосом, но, с другой стороны, и не спугнуть его чрезмерным наукообразием. Хочется надеяться, что непредикативная цепочка слов, вынесенных в заголовок, удачно описывает именно то, что дорого Анне Константиновне.

Во-первых, это люди: коллеги, учителя, ученики, читатели, одним словом — *друзья*. Одно из главных личных качеств АКП и как ученого, и как педагога — это умение внедрять научную точность и трезвость мысли не только в преподавательскую деятельность, но и в повседневное общение, в беседы «по душам». Часто получается, что тот порог, за которым уроки лингвистики переходят в уроки жизни, фактически стирается.

Во-вторых, — *слова*. Все, кто знаком с АКП, знают, с каким воодушевлением она любит и умеет спорить о словах: их узусе, этимологии, семантике, стилистике, орфоэпии, парадигматике. Не будь в мире слов, не суще-

ствовало бы ни лингвистики, ни филологии, ни логики, — т. е. именно тех научных дисциплин, которым посвящено большинство статей сборника.

И в-третьих, — *таблицы*, понимаемые как символ формального подхода к решению любой научной, да и не только научной, задачи. Протицируем высказывание самой АКП, взятое из предисловия ее *Старославянской грамматики*, — лучше, чем она сама, эту мысль не выразить:

Особо хочется подчеркнуть, что в предлагаемой книге — масса таблиц. Может быть, даже слишком много: чуть ли не в каждом параграфе по таблице, а в некоторых — по несколько. Конечно, табличные данные можно расположить в строчку; и я знаю, что некоторых читателей таблицы раздражают. Не секрет, что составлять таблицы тоже не всегда легко. Занимаясь составлением своих таблиц, я каждый раз вспоминала ироничное замечание своего учителя А. Д. Вентцеля: «Кажется, я все понял: лингвистика — это искусство строить таблицы». Для меня это замечание наполнено глубоким научным содержанием, раскрывающим ответ на назойливый вопрос о том, каковы же взаимоотношения между лингвистикой и математикой.

Заметим, что поздравительные формулировки не были регламентированы составителем: каждый автор решал сам, как именно, в какой форме и какими словами, выразить свое почтение Анне Константиновне. Думаю, что, как составитель, я могу подытожить общее настроение всех авторов простым старинным пожеланием: Многая лета!

СПИСОК АВТОРОВ

Аркадьев, Петр Михайлович

Институт славяноведения РАН, Москва
Российский государственный гуманитарный университет, Москва
alpgurev@gmail.com

Блюменфельд, Лев Александрович (Lev Blumenfeld)

Carleton University, Ottawa, Canada
lev.blumenfeld@carleton.ca

Бречалова, Евгения Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы, Москва
evbrechalova@gmail.com

Вентцель, Александр Дмитриевич (Alexander Wentzell)

Professor Emeritus, Tulane University, New Orleans, Louisiana, USA
alexander.wentzell@gmail.com

Гаврилова, Валентина Ивановна

Всероссийский институт научной и технической информации РАН,
Москва
vigavrilova123364@yandex.ru

Ди Манно, Андреа (Andrea Di Manno)
Sapienza Università di Roma, Italia
andrea.dimanno@uniroma1.it

Добровольский, Иван Сергеевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
imperfect@yandex.ru

Иомдин, Леонид Лейбович
Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН,
Москва
iomdin@iitp.ru

Иткин, Илья Борисович
Институт востоковедения РАН, Москва
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
iitkin@hse.ru

Кейдан, Артемий Владимирович (Artemij Keidan)
Sapienza Università di Roma, Italia
artemij.keidan@uniroma1.it

Коган, Леонид Ефимович (Leonid Kogan)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
lkogan@hse.ru

Кривнова, Ольга Федоровна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
okrivnova@mail.ru

Куликов, Леонид Игоревич (Leonid Kulikov)
Ghent University, Belgium
Leonid.Kulikov@UGent.be

Маркус, Елена Борисовна (Elena Markus)
University of Tartu, Estonia
Институт языкознания РАН, Москва
helenmarkus@yahoo.com

Мельчук, Игорь Александрович (Igor Mel'čuk)

Professeur émérite, Département de linguistique et de traduction,
Université de Montréal, Québec, Canada
igor.melcuk@umontreal.ca

Муравенко, Елена Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
emuravenko@yandex.ru

Патрикеева, Ксения Александровна

ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
xenia.patrikeeva@gmail.com

Пекунова, Ирина Семеновна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
irapek@gmail.com

Пентус, Мати Рейнович

Механико-математический факультет МГУ, Москва
mpentus@yandex.ru

Плунгян, Владимир Александрович

Институт языкознания РАН, Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
plungian@iling-ran.ru

Равдин, Борис Анатольевич

Латвийское общество русской культуры, Рига, Латвия
ravdin@mailbox.online.lv

Рахилина, Екатерина Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
erakhilina@hse.ru

Рожанский, Федор Иванович (Fedor Rozhanskiy)

University of Tartu, Estonia
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
handarey@yandex.ru

Салони, Зигмунт (Zygmunt Saloni)
Uniwersytet Warszawski, Polska
zasaloni@uw.edu.pl

Татевосов, Сергей Георгиевич
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
tatevos@philol.msu.ru

Тименчик, Роман Давыдович (Roman Timenchik)
Professor Emeritus, The Hebrew University of Jerusalem, Israel
suzirom@gmail.com

Федорова, Ольга Викторовна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
olga.fedorova@msu.ru

Чанкальини, Клаудиа А. (Claudia A. Ciancaglini)
Sapienza Università di Roma, Italia
claudia.ciancaglini@uniroma1.it

Шмелев, Алексей Дмитриевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Шмелева, Елена Яковлевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
eshkind@mail.ru

Якубова, Нина Манашировна
sdygr@mail.ru

ЧАСТЬ I
СТАТЬИ

П. М. Аркадьев

ОПЫТ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ГОТСКОГО ЯЗЫКА*

Анне Константиновне Поливановой, научившей меня
парадигматическому взгляду на язык, с благодарностью

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Постановка задачи

Задача настоящей работы — предложить по возможности эксплицитное и полное описание словоизменения готского языка, выполненное в рамках полностью синхронного подхода к морфологии и морфонологии, разработанного в трудах А. А. Зализняка [Зализняк 1967; 1977] и дополненного идеями о формальной организации парадигматики и грамматических классов, высказанными в работах А. К. Поливановой [1990; 2001/2008; 2013], с учетом также новейших подходов к морфологической парадигматике в европейской и американской лингвистике (в частно-

---

* Первый вариант данной работы был написан в 2001 г., когда ее автор, только что самостоятельно изучивший готский язык, находился под непосредственным впечатлением от курсов «Старославянский язык» и «Повторительная грамматика русского языка», которые АКП вела у первокурсников факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, и решил применить привитые АКП навыки морфологического анализа к новому материалу. Идея публикации этого развернутого студенческого упражнения пришла существенно позже. Несмотря на то, что основные идеи и предлагаемые решения остались неизменными, текст был полностью переработан с учетом новой литературы как по теоретической морфологии, так и в первую очередь по готскому языку.

сти, [Corbett 2009; 2012; Stump 2016]). Насколько мне известно, подобного описания до сих пор не существует, более того, такая задача никогда и не ставилась. В написанных в рамках младограмматического подхода описаниях [Wright 1910; Streitberg 1920; Mossé 1956; Гухман 1958], ориентированных в первую очередь на нужды германской и индоевропейской сравнительной грамматики, информация о словоизменении дается в традиционном виде примеров парадигм склонения и спряжения, а морфологическая классификация лексем опирается на классификацию индоевропейских основ, очевидно, не отражающую синхронного состояния именно готского языка; ср. также критику такого подхода в статье [Ratkus 2009]. Во многом те же соображения применимы и к новейшей грамматике готского языка [Miller 2019], изложение информации о словоизменении в которой отчасти даже менее систематическое, чем у предшественников.

Что касается немногочисленных доступных мне теоретических работ по готской морфологии, в частности, диссертаций [Buckalew 1964] и [Beade 1971], описывающих морфонологию и морфологию в духе ранних генеративистских подходов (ср. аналогичную попытку описания старославянской морфонологии в [Lunt 1974]), то они в первую очередь ставят и определенным образом решают задачу вывести все наблюдаемые формы из единственного глубинного представления с помощью набора морфологических, морфонологических и фонологических правил (впрочем, представление собственно словоизменительной информации в работе [Beade 1971] кажется близким к традиционному). Такая «элементно-процессная» модель морфологии, исходящая из того, что единственными объектами морфологического описания являются морфологические единицы (морфемы), их синтагматические сочетания и происходящие с ними процессы перехода от глубинного представления к поверхностному, применительно к языкам с развитой нефонологической алломорфией и парадигматическими классами оказывается скорее неадекватной и чрезвычайно громоздкой (неслучайно поэтому морфонологическое описание старославянского было исключено Г. Лантом из позднейших изданий грамматики, ср. [Lunt 2001]). В частности, в работе [Buckalew 1964] описание собственно словоизменительных морфем готского языка занимает лишь четыре страницы (69–71) и еще две страницы (81–82) занимает перечисление их алломорфов, в то время как значительная часть диссертации посвящена многочисленным правилам, описывающим происходящие с ними и другими морфемами (включая многочисленные нулевые морфемы) процессы (так, морфологические правила выбора алломорфов словоизменительных морфем описываются на с. 111–127 независимо для каждой морфемы). Еще одним важнейшим недостатком такой идеологии является неразличение ре-

гулярных и нерегулярных явлений и попытка описать их все в одних и тех же терминах (о необходимости противопоставления регулярных и нерегулярных словоформ и лексем см., в частности, [Поливанова 2013: 146–148, 480–483]). Так, например, [Buckalew 1964: 70, 73, 118] постулирует в качестве показателя 1Sg готских глаголов морфему {m}, которая затем стирается во всех формах, кроме заведомо уникального 1SgPrs глагола ‘быть’ *im*, которая имеет глубинно-морфологическое представление вида {uis₁}{i₂}{a₁}{m₂} [Buckalew 1964: 118], для обработки которого необходимо постулировать ряд уникальных морфологических и морфонологических правил.

В данной работе я стремлюсь к полному (в той мере, в какой это возможно применительно к заведомо ограниченному корпусу, ср. соображения на этот счет в работе [Snædal 2009]) и эксплицитному описанию, которое отражало бы внутреннюю логику самой готской словоизменительной системы и было бы по возможности приближено к наблюдаемым фактам. Это означает, в частности, отказ от постулирования чрезвычайно абстрактных глубинных представлений, из которых реальные формы получаются путем многочисленных преобразований, и, что принципиально, рассмотрение парадигматических различий, в первую очередь, алломорфии, как самостоятельного явления, требующего описания в пригодных для него терминах (см. об этом, в частности, [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1994; 2010; Stump 2016]). Ближе всего к принятой здесь идеологии находятся недавние работы А. Раткуса о морфологии готских прилагательных [Ratkus 2009; 2011; 2017].

Осмысленность постановки сформулированной здесь задачи определяется двумя соображениями. Во-первых, готский язык, как и любой другой, является вполне законным объектом синхронного лингвистического анализа и заслуживает рассмотрения как система, определяющаяся своими внутренними закономерностями. Плодотворность подобного рассмотрения «древнего» языка демонстрируют такие работы, как [Вайан 1952; Lunt 2001] и в первую очередь [Поливанова 2013] о старославянском, или [Зализняк 1978/2019] о санскрите, равно как и уже упомянутые немногочисленные работы о самом готском. Во-вторых, готский язык, в силу компактности, относительной простоты и одновременно разнообразия морфологической системы, представляет собою практически идеальный «полигон» для проверки морфологических моделей. Тем самым настоящая работа, фактически, решает две задачи — с одной стороны, построить описание готской морфологии в рамках определенного подхода и, с другой, наглядно проверить применимость избранной модели к конкретно-языковому материалу.

Для решения поставленной задачи я, во-первых, предлагаю уточненную грамматическую классификацию готских лексем, во-вторых, строю

полную классификацию лексем по словоизменительным типам и, в-третьих, формулирую правила синтеза словоформ по модели «основа + флексия» (что является одной из разновидностей получившего в последние десятилетия популярность класса «словесно-парадигматических» морфологических моделей, [Крылов 1997: 260–263; Плунгян 2000: 72, 75–78; Stump 2001; 2016]). При этом я не ставлю себе цели дать совершенно новое описание и в значительной степени следую традиционным грамматикам, формализуя и уточняя их там, где этого достаточно, и внося изменения там, где это необходимо.

1.2. Принципы грамматической классификации лексем

Основные объекты моего исследования — **словоформы, лексемы и парадигмы**. При этом и множество словоформ, и разбиение его на лексемы я считаю изначально заданным и принципы организации обеих этих сущностей здесь не рассматриваю. Приведу в связи с этим следующие установки, в значительной степени опирающиеся на работы [Поливанова 2001/2008 и 2013]:

1. Словоформами признаются лишь объекты, не представимые через другие словоформы; в частности, это означает запрет на аналитические словоформы.
2. Основной критерий объединения словоформ в лексемы — формальный, а не семантический; словоформы полисемичных лексем, имеющие одинаковые означающие, отождествляются, так же, как и сами лексемы; так, множество русских словоформ {*дорогой, дорогая, ... дорог ...*} соотносится с такими значениями, как 1. ‘имеющий высокую цену’ и 2. ‘милый’, но с одной лексемой ДОРОГОЙ.
3. Тем самым словоформа трактуется как пара <сегмент, грамматическая характеристика>, где сегмент — единица плана выражения (цепочка фонем или букв), а грамматическая характеристика — ярлык или множество ярлыков граммем или категориальных значений (в англоязычной терминологии — *morphosyntactic values*, т. е. значений абстрактных признаков, а не конкретных смыслов, ср. [Carstairs-McCarthy 2000; Corbett 2012]); лексическое значение, равно как и конкретное значение словоформы в конкретном употреблении в тексте в рамках данной модели игнорируются.

4. Лексема рассматривается в качестве пары, состоящей из множества словоформ и **конкретной парадигмы** (данной лексемы); конкретная парадигма лексемы получается размещением ее словоформ по клеткам **свободной парадигмы**,¹ с которой соотносится данная лексема. Свободная парадигма лексемы формируется категориальными значениями (= граммемами) грамматических (= словоизменительных) категорий, определенных для данной лексемы; помимо этого, свободная парадигма может включать в себя также клетки, соответствующие не граммамам, а так называемым «квазиграммам» ([Мельчук 1997: 286–288; Перцов 2001: 84–90]), т. е. словоизменительным значениям, не входящим ни в какую грамматическую категорию (о таких значениях см. также [Аркадьев 2016]).

5. Попадая в некоторую клетку свободной парадигмы, словоформа приобретает **суженную грамматическую характеристику**, совпадающую с именем данной клетки, т. е. сочетанием категориальных значений нескольких грамматических категорий либо квазиграммой; совокупность суженных грамматических характеристик, соотносящихся с данной словоформой, называется (**полной**) **грамматической характеристикой** данной словоформы. Тем самым, если данная словоформа может соотноситься с несколькими клетками парадигмы, ее грамматическая характеристика является объединением всех соответствующих суженных грамматических характеристик (например, словоформа *слонов* может иметь суженные грамматические характеристики API и GPI, следовательно, ее полная грамматическая характеристика — AGPI).

6. При заполнении свободной парадигмы словоформами конкретной лексемы могут иметь место следующие случаи: (i) некоторые клетки свободной парадигмы могут оказаться незаполненными (в таких случаях говорят, что данная лексема имеет **дефектную парадигму**); (ii) одна и та же словоформа может попасть сразу в несколько клеток (в таких случаях говорят о **синкретизме**, см. [Baerman, Brown, Corbett 2005]); (iii) одна и та же клетка может содержать сразу несколько словоформ (в этих случаях такие словоформы называются **дублетными** тогда и только тогда, когда данные словоформы имеют тождественные грамматические характеристики; таким образом, словоформы *рукой* и *рукою* дублетны, а словоформы *белой*

¹ Термин «свободная парадигма» заимствован мною из работы [Поливанова 2001/2008: 160], ср. аналогичный термин «парадигматическая схема» в [Зализняк 1967: 33] или «content-paradigm» в [Stump 2016: 104].

и *белю* нет, поскольку их грамматические характеристики различны: *белой* GLDISgFPlen, *белю* ISgFPlen).

В основе предлагаемой мною классификации лексем готского языка по грамматическим классам лежат два положения:

- (I) Принцип выделения грамматических классов: две лексемы относятся к одному грамматическому классу тогда и только тогда, когда они имеют одинаковые свободные парадигмы.
- (II) Принцип несовпадения лексем: если L_1 и L_2 — разные лексемы, то ни одна из них не входит целиком в другую.

Первый из указанных принципов совпадает с определением в [Зализняк 1967: 33] и положением-постулатом в [Поливанова 2001/2008: 160]. Второй из них заимствован в несколько смягченной форме из [Поливанова 2001/2008: 165]. Очевидно, что принцип II приобретает огромную важность при принятой здесь формальной трактовке словоформы и лексемы.

В связи с принципом выделения грамматических классов необходимо сделать следующее замечание: все лексемы, не имеющие словоизменения, и, тем самым, словоизменяемых категорий, и обладающие свободной парадигмой из одной клетки (которую вовсе не обязательно должна заполнять одна словоформа, ср. $o = \{o, об, обо\}$), автоматически попадают в один грамматический класс неизменяемых (In).

1.3. Принципы парадигматической классификации лексем

Под парадигматической классификацией лексем некоторого грамматического класса понимается разбиение их на непересекающиеся множества по отношению эквивалентности «изменяться так же, как» [Зализняк 1967: 15, 115–128; Крылов 1997: 260–261]. Получающиеся в результате классы называются **словоизменяемыми** (далее СИ) типами (или, применительно к разным грамматическим классам, типами склонения или спряжения).

Каждому СИ-типу можно поставить в соответствие определенный набор **словоизменяемых средств**, понимаемых как любые формальные средства, противопоставляющие разные словоформы одной лексемы (суффиксация, префиксация, инфиксация, чередования, как значащие, так и незначащие и т.п.). Для дальнейшего обсуждения мне необходимы два ключевых неопределяемых понятия: **основа** и **флексия**. Их статус и вза-

имные отношения описывает следующий Принцип флективности [Поливанова 2001/2008: 166]:

- (III) Принцип флективности: любая словоформа изменяемой леммы может быть представлена в виде «основа $\oplus$ флексия», причем единственным образом.

Необходимо сразу оговориться, что ни основа, ни флексия не рассматриваются как **морфемы** или цепочки морфем, т. е. в качестве двусторонних объектов. Данные понятия нужны только для того, чтобы построить адекватное и по возможности простое описание словоизменения. Вопрос о том, какое грамматическое значение имеет та или иная флексия, не ставится и не рассматривается (напомню, что грамматическое значение приписывается словоформе целиком в силу ее соотношения с данной клеткой парадигмы). Что же касается внутренней стороны конкретной основы, то она может содержать в себе как лексическую, так и грамматическую составляющие, но вопрос о членении данной основы на корень, суффиксы, префиксы и т. д. и проблема значений последних интересуют меня лишь в той степени, в какой ответы на эти вопросы непосредственно связаны с поставленной задачей. (В частности, для описания глагольного словоизменения необходимо знать, содержит ли глагол префикс; поэтому в §4.4 префиксы будут отделяться от корня точкой).

Логически возможны следующие типы соотношения между основами и флексиями словоформ одной и той же леммы: (i) одинаковые основы и одинаковые флексии, (ii) одинаковые основы и разные флексии (напр., *друг-а* и *друг-у*), (iii) разные основы и одинаковые флексии (напр., *друг-а* и *друг-а*), (iv) разные основы и разные флексии (напр., *друг-ом* и *друг-ам*).

В информацию о словоизменительном типе леммы необходимо включать сведения следующих типов: (i) какие флексии присоединяются к основам словоформ с теми или иными грамматическими характеристиками; (ii) к каким основам присоединяются эти флексии и как эти основы образуются; (iii) какие изменения происходят при соединении основы и флексии (т. е. сведения о самой операции $\oplus$). Сведения о наборе флексий представляются в виде таблицы, в которой свободная парадигма леммы данного СИ-типа заполнена флексиями соответствующих словоформ. Сведения об основах более разнородны.

Во-первых, механически разделяя словоформу на основу и флексию (т. е. так, что операция $\oplus$ сводится к конкатенации) можно получить основы, различия между которыми естественно свести к комбинаторным изменениям фонемного или буквенного состава. Во-вторых, в некоторых

случаях разумно считать, что основы V_1 и V_2 разных словоформ одной и той же лексемы могут быть представлены в виде $V_1 = V_0 \oplus c_1$, $V_2 = V_0 \oplus c_2$, где V_0 — общая часть указанных основ (с точностью до комбинаторных чередований), а c_1 и c_2 — нетождественные цепочки символов (одна из которых, само собой, может быть пустой), которые я буду называть **формативами**. В соответствии со сказанным выше, формативы рассматриваются исключительно как цепочки символов, в отвлечении от того, несет ли тот или иной форматив какую-либо грамматическую информацию, и если да, то какую, ср. [Поливанова 2013: 6]. Наконец, в-третьих, две основы V_1 и V_2 могут быть представлены в виде $V_1 = V_0 \oplus o_1$ и $V_2 = V_0 \oplus o_2$, где o_1 и o_2 — **операции**, меняющие фонемный или буквенный состав V_0 (при этом, как и в предыдущем случае, одна из данных операций может быть нулевой, т. е. ничего не меняющей), но не сводимые к уже рассмотренным комбинаторным изменениям. Как и в случае с формативами, вопрос о значении операций не рассматривается и не ставится.

Если некоторая основа V_2 может быть представлена в виде $V_1 \oplus s_2$, где V_1 — другая основа, а s_2 — форматив или операция, то я буду говорить, что основа V_2 **образована** от основы V_1 с помощью форматива (операции) s_2 . Формативы и операции вместе я буду называть **средствами образования основ**.

Исходной основой данной лексемы я буду называть ту ее основу, от которой образуются с помощью тех или иных средств образования основ все остальные основы. Далее я буду считать, что у всех изменяемых лексем есть исходная основа (этот постулат не выполняется для лексем с супплетивизмом основ, но предполагается верным для всех лексем с регулярным словоизменением). Набор средств образования основ данной лексемы представляется в виде свободной парадигмы данной лексемы, клетки которой пусты в том случае, если соответствующие им флексии из набора флексий присоединяются непосредственно к исходной основе, и заполнены некоторым средством или средствами образования основ в противном случае.

Наблюдающиеся у данной лексемы набор флексий и набор средств образования основ в совокупности я буду называть ее **словоизменительной характеристикой**. Опираясь на вышесказанное можно дать следующее определение отношению эквивалентности «изменяться так же как»:

Лексема L_1 грамматического класса K изменяется так же, как лексема L_2 того же грамматического класса, если L_1 и L_2 имеют одинаковые словоизменительные характеристики, т. е. (i) одинаковые наборы флексий и (ii) одинаковые наборы средств образования основ.

Разумеется, буквальное понимание данного определения требует того, чтобы любая лексема с нерегулярным (т. е. уникальным) словоизменением была выделена в отдельный СИ-тип. Тем не менее, в большинстве подобных случаев удастся найти такой СИ-тип, к структуре которого нерегулярная лексема наиболее близка; тогда «неправильность» словоизменения может трактоваться как отклонение словоизменительной характеристики лексемы от словоизменительной характеристики соответствующего СИ-типа. Более того, некоторые СИ-типы различаются между собой в меньшей степени, чем другие; их можно рассматривать как подтипы в составе более широкого СИ-типа (ср. понятие «макрокласса» в работе [Carstairs-McCarthy 1994]).

Каждая лексема относится к некоторому СИ-типу, и только к одному (т. е. имеет место разбиение множества лексем на СИ-типы). Все лексемы с нерегулярным или уникальным словоизменением рассматриваются как отклоняющиеся от своего СИ-типа. Рассмотрим произвольную лексему *L*, принадлежащую СИ-типу *A* и содержащую словоформы (хотя бы одну), форма которых не совпадает с предусмотренной данным СИ-типом. Это и означает, что словоизменение лексемы *L* нерегулярно. Пусть *s* — словоформа из *L*, отклоняющаяся от СИ-типа *A*. Отклонение может проявляться трояко: (i) *s* может иметь нестандартную флексию, не совпадающую с флексией, занимающей в наборе флексий из *A* клетку, соответствующую данной словоформе; (ii) у *s* может быть нестандартная основа, средство образования которой не совпадает с требуемым СИ-типом *A*; наконец, (iii) *s* может иметь нестандартную основу, оформленную нестандартной же флексией.

При описании нерегулярных лексем готского языка, принадлежащих некоторому грамматическому классу, я буду указывать: лексему, ее СИ-тип, и после специального знака «∇» все отклонения от стандарта; способы представления последних будут конкретизированы ниже отдельно для каждого грамматического класса.

Помимо различия в выборе флексий, словоформы разных лексем одного и того же СИ-типа могут различаться в поверхностном оформлении стыка между основой и флексией. В таких случаях достаточно указать морфонологические (здесь вернее было бы сказать «морфографические», т. е. оперирующие с графической стороной языка) правила, позволяющие предсказывать внешний вид той или иной словоформы, не прибегая при этом к дальнейшему дроблению СИ-типа на подтипы. В готском языке подобные явления встречаются нередко и затрагивают разные аспекты именного и глагольного словоизменения, однако парадигматический подход к алломорфии позволяет существенно сократить число и

сложность таких правил по сравнению, например, с работой [Buckalew 1964], см. § 3.

1.4. О языковом материале и его представлении

Материал настоящей работы — множество словоформ готского языка, записанных в нормализованной латинской транслитерации, как оно представлено в упоминавшихся выше грамматических описаниях. Сплошной росписи всего материала, представленного в опубликованных к настоящему моменту памятниках готского языка, я не проводил, и в этом смысле моя работа не претендует на полноту. Кроме того, я исключаю из рассмотрения заимствованные лексемы, в частности, все топонимы и личные имена; причина этого — с одной стороны, недостаточность и фрагментарность данных, с другой — тот факт, что в период, к которому относятся письменные тексты на готском языке, заимствованные лексемы еще не были полностью включены в систему словоизменения, что привело к возникновению большого числа нерегулярных и дублетных образований. О словоизменении заимствованных слов и личных имен см. [Wright 1910: 359–366; Streitberg 1920: 115–117; Гухман 1958: 91–92]. Еще одна проблема связана с трактовкой глагольных форм с энклитиками и эндоклитиками, такими как *qīpiduh* ‘говорит же он’ (СА, Мк 16:7) или *gauhvasehvi* ‘увидел ли он что-либо’ (СА, Мк 8:23); здесь они рассматриваются как сочетания словоформ: *qīpid+uh*, где первая словоформа (*qīpid*) признается тождественной словоформе 3SgPrsInd *qīpīp*; *ga+u+hva+sehvi*, где выделяются три словоформы: 3SgPstOpt *ga.sehvi*, *u*, *hva*. Напротив, такие словоформы, как *saei* ‘который’, *hwazuh* ‘каждый’ трактуются как принадлежащие лексемам SAЕI, HVAZUH, а не SA, HVA. Это объясняется хотя бы тем, что если цепочка *qīpiduh* может быть без проблем разделена на две словоформы, то в последнем случае мы имеем дело с более прочно сросшимися в единое целое формами, например, DSgmnId *hwammeh* ‘каждому’ или NASgnId *patei* ‘что’, где провести отчетливую границу между флексией и энклитикой невозможно (по крайней мере, если не постулировать целый ряд дополнительных морфологических правил). Кроме того, подобные формы некомпозиционны и семантически.

Остановлюсь на вопросе об именах лексем. Традиционно в качестве таковых используются так называемые **исходные словоформы**, причем во все не всегда такая словоформа несет максимум информации, необходимой для правильного синтеза всех остальных словоформ или хотя бы их большей части (о так называемых «базовых формах» или *principal parts*,

позволяющих восстановить все остальные словоформы лексемы, с современной теоретической точки зрения см. работы [Stump, Finkel 2007; 2013]). В настоящей работе понятие «исходная словоформа» используется лишь в качестве вспомогательного, хотя, несомненно, правила синтеза словоформ учитывают его в полной мере. В тех случаях, когда исходная словоформа упоминаемой лексемы не засвидетельствована в памятниках и реконструируется, она будет предваряться знаком «*»; имена лексем даются КАПИТЕЛЮ, словоформы — *строчным курсивом*. Для иллюстрации приводятся лишь отмеченные в памятниках словоформы с указанием адреса вида «памятник, место»; для словоформ, встретившихся многократно, приводится один случайно выбранный адрес. Для поиска словоформ использовался электронный корпус Wulfila [<http://www.wulfila.be/gothic/>].

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЛЕКСЕМ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Как было указано в §1.2, грамматическим классом называется множество лексем, имеющих одинаковую свободную парадигму. Тем самым все неизменяемые лексем попадают в один грамматический класс In и далее рассматриваться не будут. Что же касается изменяемых лексем, то в готском языке они распадаются на четыре грамматических класса: S-лексемы (существительные), A-лексемы (прилагательные), P-лексемы (личные местоимения), V-лексемы (глаголы). Каждый из этих классов будет подробно рассмотрен ниже.

2.1. S-лексемы

Класс готских S-лексем включает в себя, помимо тех лексем, которые традиционно относятся к существительным, также некоторые числительные (а именно, те, которые не изменяются по родам). Свободная парадигма готской S-лексемы формируется двумя грамматическими категориями: число (единственное Sg, множественное Pl) и падеж (номинатив N, аккузатив A, датив D, генитив G). Выбор подобного порядка падежей (вместо традиционного NGDA) объясняется часто встречающимся синкретизмом номинатива-аккузатива и аккузатива-дativa (см. аналогичное решение в [Miller 2019: 58–59]). В качестве исходной словоформы, служащей именем S-лексемы, я по традиции использую NSg, несмотря на то, что более информативными с точки зрения словоизменения являются другие словоформы, например, DPl.

Отдельно стоит вопрос о выделении в готском особого падежа — вокатива (V). С одной стороны, известно, что ни одна готская S-лексема не имеет словоформы вокатива, отличной от словоформы какого-либо другого падежа: у некоторых лексем, например, *SKALKS* ‘раб’, вокатив совпадает с accusativom: *skalk* CA, Лк 19:17, у других, например, *FRAUJA* ‘Господь’ — с номинативом: *frauja* CA, Мф 7:21, у третьих, например, *SUNUS* ‘сын’ — с дативом: *sunau* CA, Мф 9:27; также вокатив совпадает с номинативом во множественном числе, ср. *broþrjus* A, Рим 7:4. Тем самым, вокатив в готском — морфологически несамостоятельная граммема [Зализняк 1973: 69–74]). Эту проблему я решаю, выделяя для вокатива единственного числа отдельную клетку в свободной парадигме S-лексем, а способ его образования (т. е. информацию о синкретизме вокатива с номинативом либо с accusativom) указывая в характеристике соответствующих СИ-типов. При этом я не включаю вокатив в число категориальных значений категории падежа, но считаю его квазиграммемой, порождающей отдельную обособленную клетку свободной парадигмы. Словоизменительное значение V не сочетается с граммемами категорий числа и падежа, хотя из-за синкретизма любая словоформа, охарактеризованная V, имеет в своей расширенной грамматической характеристике также и сочетания граммем этих категорий.

Что касается реликтовой инструментальной формы, отмеченной у нескольких местоименных A-лексем (в первую очередь *hve* ‘чем’ от *hwas* ‘кто, что’, см., например, [Miller 2019: 85]), то я трактую ее как отдельную In-лексему; включение в категорию падежа в готском граммемы «инструменталис», отсутствующей у подавляющего большинства лексем, представляется неоправданным усложнением описания.

Свободная парадигма готских S-лексем представлена в Табл. 1.

	Sg	Pl
N		
A		
D		
G		

V	
---	--

Табл. 1. Свободная парадигма S-лексем

2.2. A-лексемы

Класс A-лексем включает в себя, помимо традиционных прилагательных, также причастия, некоторые местоимения и числительные. Свободная парадигма формируется следующими грамматическими категори-

ями: число, падеж (как у S-лексем), род (мужской m, средний n, женский f), репрезентация (сильная, или неопределенная Id, слабая, или определенная Df). Что касается вокатива, то эта форма у прилагательных неизменно совпадает с номинативом, в том числе в тех случаях, когда у вершинного существительного вокатив синкретичен с аккумулятивом (ср. *laisari piupeiga* 'о добрый учитель' СА, Лк 18:18), и поэтому я отдельно ее не выделяю. Тем самым свободная парадигма А-лексем содержит 48 клеток, см. Табл. 2. Аналогичное решение существенно подробнее аргументируется в работах [Ratkus 2011; 2017].

		Id			Df		
		m	n	f	m	n	f
Sg	N						
	A						
	D						
	G						
Pl	N						
	A						
	D						
	G						

Табл. 2. Свободная парадигма А-лексем

Исходная словоформа А-лексе́мы — NSgm (либо NPlm у нескольких *pluralia tantum*) первой по порядку репрезентации (некоторые А-лексе́мы имеют только одну репрезентацию, см. ниже).

Как представляется, выделять в качестве отдельной грамматической категории «степень сравнения» с категориальными значениями «положительная», «сравнительная», «превосходная» нецелесообразно. Во-первых, большинство А-лексем (все причастия, местоимения, многие прилагательные) засвидетельствованы не во всех степенях сравнения. Во-вторых, словоизменение сравнительной и превосходной степеней ничем не отличается от склонения обычных А-лексем, что позволяет интерпретировать их как отдельные лексемы. В-третьих, несмотря на то, что образованию степеней сравнения в готском свойственно большое единообразие, введение его в словоизменение увеличит число СИ-типов А-лексем и нерегулярных, в частности супплетивных, образований, что нежелательно. В связи с высказанными соображениями я не включаю степени сравнения в словоизменение готского языка и словоформы с данным значением отношу к отдельным лексе́мам в адъективном классе, образование которых здесь рассматриваться не будет.

Такие словоформы, как *galeiko* ‘подобно’, *sprauto* ‘быстро’, *maist* ‘больше всего’, *frumist* ‘сначала’, традиционно рассматриваемые как наречия, производные от А-лексем *GALEIKS* ‘похожий’, **SPRAUTS* ‘быстрый’, *MAISTS* ‘наибольший’, **FRUMISTS* ‘самый первый’ и т.п., совпадают с формами *NASgnId* или *NASgnDf* соответствующих А-лексем. Признание указанных наречий отдельными лексемами класса *In* привело бы к довольно значительному числу случаев нарушения принципа несовпадения лексем (ср. обсуждение аналогичных русских фактов в [Поливанова 2001/2008: 168–171]). Поэтому я отождествляю наречия такого рода с совпадающими с ними по форме словоформами соответствующих А-лексем. То же самое касается и отадективных S-лексем типа *DAUPA* ‘мертвец’, словоформы которой тождественны словоформам *mDf* А-лексема *DAUPS* ‘мертвый’ и включаются в парадигму соответствующей А-лексема.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о так называемых «слабых» и «сильных» прилагательных, т. е. таких А-лексемах, у которых во всех контекстах засвидетельствованы словоформы либо только сильной, либо только слабой репрезентации (см. обзор этой проблематики в работе [Ratkus 2018]). Для таких А-лексем я принимаю, как кажется, наиболее простое из возможных решений, а именно, трактую их как дефектные по репрезентации, с той оговоркой, что статус этой дефектности для большинства из них весьма слабый: отсутствие форм одной из репрезентаций для А-лексем, не отмеченных в памятниках существенным числом вхождений, вероятнее всего является случайностью и должно трактоваться так же, как, например, отсутствие фиксации форм одного из чисел для семантически счетных существительных (ср. обсуждение в [Ratkus 2018: 33–35]).

2.3. Р-лексема

Данный класс — самый малочисленный из грамматических классов готских лексем. Он содержит лишь семь лексем: *ik* ‘я’, *pu* ‘ты’, *sik* ‘себя’, *wit* ‘мы двое’, **jut* ‘вы двое’, *weis* ‘мы’, *jus* ‘вы’, отличающихся нерегулярным словоизменением. Свободная парадигма Р-лексема состоит всего из четырех клеток, формируемых грамматической категорией падежа (как у S-лексем), см. Табл. 3. У всех Р-лексем исходная словоформа — *N*, кроме лексема *sik*, у которой исходной является словоформа *A*.

N	A	D	G

Табл. 3. Свободная парадигма Р-лексем

Выделение столь небольшой группы лексем в отдельный грамматический класс может показаться спорным, однако представляется, что это решение — не только самое простое, но и единственно возможное. Главная проблема здесь связана с категорией числа. Действительно, категория числа у Р-лексем включает на одно категориальное значение больше, чем аналогичная категория у S и А-лексем: единственное Sg, множественное Pl и двойственное Du. Если бы мы отнесли эти семь лексем к классу S, нам пришлось бы постулировать для всех остальных готских S-лексем либо дефектность по Du, либо синкретизм Du и Pl. Важнее, однако, то, что у готских S- (и А-)лексем гипотетическое категориальное значение Du никак не проявляется в синтаксисе: так, числительное *twai* 'два' изменяется в целом по модели множественного числа и требует множественного числа существительного, а именные группы, состоящие из этого числительного и существительного, требуют форм множественного числа глаголов (например, *gamotidedun imma twai daimonarjos* 'встретили его два бесноватые' СА, Мф 8:28), т. е. обладают синтаксическим признаком «множественное число». Готский глагол (см. §2.4) противопоставляет формы двойственного и множественного числа лишь в 1-м и 2-м лицах, не различая их в 3-м лице. Все это свидетельствует о том, что граммема Du в готском ограничена контекстом 1-го и 2-го лица и что, следовательно, у S- и А-лексем ее нет. Что же касается Р-лексем, то у них категория числа, как и лица, является словоклассифицирующей, а не словоизменительной.

2.4. V-лексемы

Готский глагол обладает следующими грамматическими категориями: финитность (инфинитив Inf, личные формы Fin), лицо (первое 1, второе 2, третье 3), число (единственное Sg, двойственное Du, множественное Pl), время (настоящее или презенс Prs, прошедшее или претерит Pst), наклонение (индикатив Ind, оптатив Opt, императив Imp), залог (актив Ac, медиопассив Mр). В отличие от S- и А-лексем, свободная парадигма которых получалась простым перемножением значений свободно сочетающихся между собою категорий, в системе глагола допустимы далеко не все логически возможные комбинации указанных категорий. Информация о реально встречающихся в готском языке сочетаниях глагольных категорий приведена в Табл. 4 на стр. 16 (число и лицо не учитываются; рассматриваются только личные формы; в скобки взяты логически избыточные признаки).

Время	Наклонение	Залог
Prs	Ind	Ac
Prs	Ind	Mp
Prs	Opt	Ac
Prs	Opt	Mp
Pst	Ind	(Ac)
Pst	Opt	(Ac)
(Prs)	Imp	(Ac)

Табл. 4. Допустимые сочетания значений категорий времени, наклонения и залога

		Prs(Ac)		Pst(Ac)		Imp(Ac)
		Ind	Opt	Ind	Opt	
Sg	1					—
	2					
	3					
Du	1					—
	2					
Pl	1					
	2					
	3					

		Mp(Prs)		Inf	
		Ind	Opt		
Sg	1			{PI}	
	2			{PI}	
	3				
Pl					

Табл. 5. Свободная парадигма V-лексем

Как видно из Табл. 4, граммема времени Pst автоматически влечет граммему залога Ac (напомню, что аналитические формы, в частности, пассив прошедшего времени, здесь не рассматриваются), а граммема залога Mp — граммему времени Prs; для характеристики императива вообще достаточно указать на граммему категории наклонения. Представляется рациональным в целях экономии и удобства описания сформировать свободную парадигму готской V-лексемы из следующих пяти подпарадигм (репрезентаций): инфинитив, презенс (актива), претерит (актива), медиопассив (презенса) и императив. В пределах презенса, претерита и медиопассива различаются наклонения (индикатив и оптатив). Что касается

лица и числа, то три числа различаются только в презенсе, претерите и императиве, т. к. дуалис медиопассива не засвидетельствован в текстах; в двойственном числе различаются лишь первое и второе лицо; во множественном числе медиопассива лицо вообще не различается. Свободная парадигма готского глагола представлена в Табл. 5 (прочерком помечены клетки, которые никогда не заполняются). Причастия (активное PI и пассивное PII) трактуются как производные А-лексемы и не входят в парадигму V-лексемы. Тем не менее информацию об их образовании (точнее, об образовании их основ) целесообразно включать в характеристику СИ-типа глагола, поэтому они указаны в Табл. 5 (стр. 16).

Исходная словоформа готской V-лексемы — инфинитив.

3. ОСНОВНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА

В данном разделе приводятся релевантные для словоизменения морфологические (возможно, точнее сказать «морфографические», т. е. применимые к буквенному представлению словоформ) правила, действующие вне зависимости от грамматического класса и/или СИ-типа лексемы.² Правила более ограниченного применения, проявляющиеся лишь в отдельных СИ-типах, приводятся в соответствующих разделах, так же как и иллюстрации действия тех или иных правил в словоизменении конкретных грамматических классов.

Вокализация /j/ в позиции после согласного перед паузой или согласным:

$$(1) \quad j \rightarrow i / C\_C, \#$$

Вокализация /w/ после одиночного краткого гласного /a, i/ перед паузой или согласным:

$$(2) \quad w \rightarrow u / (C)a, i\_C, \#$$

Оглушение звонких /b, d, z/ перед паузой или глухим согласным, кроме случаев, когда перед ними находится сонорный или /z/:

$$(3) \quad b, d, z \rightarrow f, \beta, s / \sim(m, n, l, r, z)\_C[-voice], \#$$

² Готская фонологическая система здесь не рассматривается, поскольку формулируемые в данном разделе правила не апеллируют ни к каким нетривиальным признакам фонем. См., например, [Гухман 1958: 49–68; Miller 2019: Ch. 2].

Правило (3) действует в именном и глагольном словоизменении, однако в памятниках его проявление непоследовательно.

Чередование при сочетании основ на /j/ с /i/, связанное с фонологическим весом основы:

- (4) $j+i \rightarrow ji / X\_ ,$ где X состоит из одного краткого слога;
 $\rightarrow ei$ иначе

Краткий слог имеет вид $(C_1)VC_2$, где $V = /a, u, i/$, C_1 — любая цепочка согласных, C_2 — один согласный. Понятие краткого слога релевантно и для ряда иных морфонологических явлений готского языка. Правило (4) действует в именном и глагольном словоизменении.

Централизация («преломление») узких гласных *i, u* перед *r, h, hv* (записи *aí, aú* фонологически соответствуют /e, o/):

- (5) $i, u \rightarrow a\acute{i}, a\acute{u} / (C)\_ r, h, hv$

Это правило действует в глагольных корнях при образовании базовых основ сильных глаголов.

Спирантизация дентальных перед /t/:

- (6) $d, t, \beta \rightarrow s / \_ t$

Выпадение гласных после долгих гласных:

- (7) $V \rightarrow \emptyset / o, ei\_$

Это правило действует в первую очередь во втором склонении S-лексем и во втором классе слабых глаголов.

4. ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГОТСКИХ ЛЕКСЕМ

В данном разделе приводится информация о регулярных СИ-типах готских S-, A-, P- и V-лексем, а также обо всех (известных автору) отклонениях от них. В соответствии с данным в §1.3 определением, две лексемы одного грамматического класса относятся к одному СИ-типу, если они обладают одинаковыми наборами словоизменительных средств. Поэтому очевидно, что парадигматическая классификация лексем не может рассматриваться отдельно от правил синтеза словоформ. В соответствии

с этим, обсуждая и описывая каждый СИ-тип, я буду указывать, какие изменения буквенного состава основы и /или флексии, равно как исходной основы и формата, образующего от нее новую основу, имеют место при их соединении.

4.1. СИ-типы S-лексем

В готском языке различаются пять основных СИ-типов S-лексем, или склонений, которые выделяются на основании представленных в них наборов флексий. Случаев регулярных некомбинаторно обусловленных чередований основ в готском субстантивном склонении нет (возможное исключение — склонение лексем консонантного склонения типа *WROÞAR* ‘брат’, которые, однако, я описываю как имеющие одну и ту же основу во всей парадигме). Представленная ниже классификация в ряде отношений следует традиционной, отраженной, в частности, в [Miller 2019: 58–59], а в ряде отношений существенно пересматривает ее.

Первое склонение (I) включает в себя лексемы, традиционно описывающиеся как *a*-основы и *o*-основы [Гухман 1958: 76–81; Wright 1910: 85–91; Streitberg 1920: 101–106; Mossé 1956: 90–94; Miller 2019: 59], поэтому я буду обозначать его также как *a/o*-склонение. Основной особенностью данного СИ-типа является четкое разделение его на два подтипа или варианта: **безйотового** (чистые *a/o*-основы, оканчивающиеся на любой согласный, кроме *j*) и **йотового** (*ja/jo*-основы, оканчивающиеся на *j*), поэтому данное склонение можно назвать **двухвариантным**.³ Наборы флексий этих подтипов различаются только в NSg, однако деление основ на йотовые и безйотовые проводится последовательно по всей парадигме. Наряду с делением первого склонения на указанные два подкласса, в нем имеется четкое противопоставление трех типов флексий, которые я буду по традиции называть **родами**: мужской (*m*), средний (*n*) и женский (*f*). Наборы флексий мужского и среднего родов различаются лишь в NSg и NAPf; напротив, набор флексий мужского рода отличается от набора

³ Нельзя не отметить, что выделение двухвариантных СИ-типов на основе противопоставления йотовых и безйотовых основ релевантно и для других индоевропейских языков, в частности, литовского и старославянского [Поливанова 2013: 63–65, 164 и др.]. В связи с этим противопоставление двухвариантных СИ-типов моновариантным и объединение их в один макрокласс представляется оправданным и значимым не только с точки зрения синхронного описания, но и для задач реконструкции.

флексий женского рода во всех клетках парадигмы, кроме NPl, а наборы флексий среднего и женского родов совпадают исключительно в NSg йотового варианта. Форма вокатива у мужского рода совпадает с ASg, у женского и среднего — с NSg.

Все наборы флексий I склонения представлены в Табл. 6. Йотовый и безйотовый варианты даны в клетках NSgm и NSgf через черту: слева от черты безйотовый, справа — йотовый вариант. Необходимо особо отметить, что принятое здесь распределение лексем женского рода по двум вариантам не совпадает с традиционным, основанным на этимологическом принципе (см. [Гухман 1958: 81; Wright 1910: 90–91; Streitberg 1920: 105–106; Mossé 1956: 92–94]): лексем типа *WANJA* ‘рана’, несмотря на наличие *-j-* перед флексией, я отношу к безйотовому варианту, поскольку их склонение ничем формально не отличается от склонения лексем типа *GIVA* ‘дар’; к йотовому варианту, тем самым, я отношу лишь такие лексем женского рода, как *WANDI* ‘оковы’. Также не представляется целесообразным выделять особый тип *wa/wo*-основ (см. там же) из-за тождества их словоизменения склонению безйотовых лексем.

		m	n	f
Sg	N	<i>s/is</i>		<i>a/∅</i>
	A	∅		<i>a</i>
	D	<i>a</i>		<i>ai</i>
	G	<i>is</i>		<i>os</i>
Pl	N	<i>os</i>	<i>a</i>	
	A	<i>ans</i>		
	D	<i>am</i>		
	G	<i>e</i>		<i>o</i>

Табл. 6. Наборы флексий I склонения S-лексем

В I склонении S-лексем наблюдается действие ряда морфонологических правил. Во-первых, это правила вокализации сонантов (1) и (2), ср. NASg *kuni* CA, Лк 3:7 ~ GSg *kunjis* CA, Лк 7:31 ‘род’; DSg *weinatruwa* CA, Ин 15:4 ~ NASg *weinatruu* CA, Ин 15:1, но NSg *snaiws* CA, Мк 9:3 ‘снег’. Во-вторых, это правило оглушения (3): NSg *hlaifs* CA, Ин 6:33, ASg *hlaif* CA, Мф 6:11 ~ NPl *hlaibos* CA, Ин 6:7 ‘хлеб’, NASg *haubif* CA, Лк 9:9 ~ GSg *haubidis* CA, Мк 6:24 ‘голова’, NASg *riqis* CA, Мк 15:33 ~ GSg *riqizis* A, Рим 13:12 ‘тьма’, но NASg *ward* CA, Мф 5:37 ‘слово’, NASg *lamb* CA, Лк 15:6 ‘овца’, NASg *huzd* CA, Мф 6:21 ‘сокровище’. Поскольку исходной словоформой готской S-лексем мы приняли NSg, где действие правила (3) приводит к нейтрализации противопоставления звонких и глухих согласных, для того, чтобы правильно построить пара-

дигму лексемы с основой подобного рода, необходимо знать, какой согласный находится перед флексией, например, в словоформе DSg. Для этого в готских словарях (например, [Streitberg 1910] или [Гухман 1958: 254–279]) используются обозначения (b), (d) и (z).

Замечание о лексеме *gub* ‘бог’ In(d). В памятниках словоформы этой лексемы как правило пишутся сокращенно с конечным *b* основы: ASg *gb*, DSg *gpa*, GSg *gbs* [Wright 1910: 294], — однако всякий раз, когда словоформы этой лексемы записываются полностью, они демонстрируют звонкий согласный в косвенных падежах: DSg *guda* CA, Мф 6:24, GSg *gudis* CA, Мф 8:29, NAPl *guda* CA, Ин 10:34.

В-третьих, в NGSgmn йотового варианта наблюдается чередование *ji* ~ *ei* по правилу (4): NGSg *harjis* CA, Лк 2:13 ‘войско’, но NGSg *lekeis* CA, Мк 2:17 ‘врач’, NGSg *hairdeis* CA, Мф 9:36 ‘пастух’, NGSg *bokareis* CA, Мк 12:32 ‘книжник’. У лексем мужского рода необходимая информация о наличии данного чередования уже содержится в исходной словоформе. Сложнее обстоит дело с лексемами среднего рода. У них исходная словоформа имеет нулевую флексию и, следовательно, для того, чтобы правильно построить словоформу GSg, необходимо обратиться к структуре корня; кроме того, что важнее, многие из лексем среднего рода уже не подчиняются указанному морфонологическому правилу или имеют дублетные формы, например, FAÍRGUNI ‘гора’: GSg *faírgunjis* CA, Лк 4:29, 19:37 вместо ожидаемого *faírguneis; WALDUFNI ‘власть’: GSg *waldufnjis* A, IKop 15:24, A/B, Эф 2:2 ~ *waldufneis* E, Sk 7:1. В таких случаях необходимо явно отмечать обязательность или факультативность чередования *ji*~*ei*, для чего можно использовать знак «ei», если чередование обязательно, и «(ei)», если оно факультативно.

В-четвертых, конечный *s* флексии отпадает всегда после конечного *s* основы или в отдельных случаях после конечного *r*:

(8) $s \rightarrow \emptyset / s\_; a, i, u, aí, aú+r\_$

Ср. NSg *drus* CA, Мф 7:27 ‘падение’ вместо *druss, NSg *waír* CA, Лк 8:27 ‘муж’ вместо *waírs, но NSg *akrs* CA, Мф 27:8 ‘поле’.

Второе склонение (II) — тот СИ-тип, который традиционно описывается как *n*-основы или «слабое склонение» [Гухман 1958: 84–88; Wright 1910: 95–100; Streitberg 1920: 109–112; Mossé 1956: 97–98; Miller 2019: 60]. Следуя традиции, я буду называть его также *n*-склонением. В данном СИ-типе можно выделить те же три подтипа-рода, что и в первом склонении: мужской, средний и женский. Флексии *n*-склонения представлены в Табл. 7 (стр. 22). Форма вокатива *n*-склонения совпадает с NSg.

		f	m	n
Sg	N	a		o
	A	an		
	D	in		
	G	ins		
Pl	N	ans		ona
	A			
	D	am		
	G	ano	ane	

Табл. 7. Наборы флексий
II склонения S-лексем

		m	f
Sg	N	s	
	A	∅	
	D	a	ai
	G	is	ais
Pl	N	eis	
	A	ins	
	D	im	
	G	e	

Табл. 8. Наборы флексий
III склонения S-лексем

Как видно из Табл. 7, мужской и средний роды различаются флективно лишь в NASgPl, а женский отличается от них лишь в GPI. Отличительная особенность S-лексем женского рода заключается в том, что перед флексией во всех словоформах находятся всегда одни и те же сегменты, а именно *o* или *ei*, после которых начальный гласный флексии всегда устраняется по правилу (7). Это приводит к тому, что на поверхностном уровне флексии IIIf выглядят так: NSg-∅, ADSg-*n*, GSgNAPI-*ns*, DPl-*m*, GPI-*no*. Никаких иных чередований на стыке основы и окончания в словоформах лексем *n*-склонения нет, в том числе чередования по правилу (4) у лексем II склонения, основа которых содержит *j*: GSg *nehundjins* A, Рим 13:10 'ближнего', а не *nehundeins.

Третье склонение (III) включает в себя S-лексемы, в традиционных грамматиках называемые *i*-основами [Гухман 1958: 81–83; Wright 1910: 91–93; Streitberg 1920: 106–108; Mossé 1956: 94–96; Miller 2019: 60]. Я также буду называть этот СИ-тип *i*-склонением. В нем выделяются два подтипа-рода: мужской и женский. Набор флексий представлен в Табл. 8. Форма вокатива (зафиксирована только у мужского рода) совпадает с ASg.

Как видно, два рода различаются здесь лишь в DGSg, совпадая флективно во всех остальных словоформах. Также необходимо указать на то, что флексии Sgm III склонения тождественны соответствующим флексиям I склонения безйотового варианта, ср. Табл. 6 (стр. 20); тем самым нередко возникает проблема, к какому из двух СИ-типов отнести лексему мужского рода, формы множественного числа от которой не были зафиксированы в текстах.

В III склонении, как и в I, формы NASg имеют либо нулевую, либо консонантную флексию, что влечет за собой чередования по правилам (2) и (3): NSg *arbaiḥs* A/B, 1Кор 15:58 ~ DPl *arbaidim* A/B, 2Кор 6:5 'работа', NSg *naus* CA, Лк 7:12 ~ NPl *naweis* CA, Лк 7:22 'труп'. Как и в случае с I склонением, в сло-

варе информация о словоизменении лексемы III склонения должна включать в себя пункт о наличии чередования глухих и звонких согласных.

В женском роде III склонения выделяется подгруппа лексем, образованных суффиксом *-ein-*. Они отличаются от всех прочих лексем данного СИ-типа тем, что в NP1 и GP1 имеют флексии женского рода безйотового варианта I-склонения [Streitberg 1920: 108], ср. NP1 *naiteinos* CA, Мк 3:28 ~ AP1 *naiteinins* CA, Лк 5:21 'богохульство', GP1 *laiseino* A, 1Тим 4:1 ~ DP1 *laiseinim* A, Кол 2:22 'учение'.

К четвертому склонению (IV) принадлежат лексемы, традиционно относящиеся к *u*-основам [Гухман 1958: 83–84; Wright 1910: 93–95; Streitberg 1920: 108–109; Mossé 1956: 96–97; Miller 2019: 60]. Я также буду называть данный СИ-тип *u*-склонением. Как и в III склонении, в IV различаются два подтипа: общий (с) и средний (n) роды (традиционно выделяются три рода, однако мужской и женский не различаются флективно). Набор флексий представлен в Табл. 9. Форма вокатива чаще совпадает с DSg, реже с ASg, что связано с вариативностью *u~au* во флексиях, см. [Miller 2019: 61]. Формы множественного числа среднего рода данного типа склонения не зафиксированы, но из системных соображений ясно, что DP1 и GP1 совпадали с мужским родом, а флексия NAP1n скорее всего оканчивалась на *a*.

		m, f	n
Sg	N	<i>us</i>	<i>u</i>
	A	<i>u</i>	
	D	<i>au</i>	
	G	<i>aus</i>	
Pl	N	<i>jus</i>	?
	A	<i>uns</i>	
	D	<i>um</i>	
	G	<i>iwe</i>	

Табл. 9. Наборы флексий
IV склонения S-лексем

		<i>a</i>	<i>nd</i>	<i>r</i>
Sg	N	<i>s</i>		<i>-a-</i>
	A	∅		
	D	∅		∅
	G		<i>is</i>	<i>s</i>
Pl	N	<i>s</i>		<i>jus</i>
	A			<i>uns</i>
	D	<i>im</i>	<i>am</i>	<i>um</i>
	G	<i>e</i>		

Табл. 10. Наборы флексий
V склонения S-лексем

Пятое склонение (V), которое я буду называть также согласным или S-склонением, включает в себя S-лексемы, в традиционной грамматике описываемые как консонантные основы (исключая *n*-основы, т. е. наше II склонение; см. [Гухман 1958: 88–91; Wright 1910: 100–103; Streitberg 1920: 112–113; Mossé 1956: 98–100; Miller 2019: 60]). Типы словоизменения этих лексем обнаруживают известное сходство, и потому их можно включить в одно склонение. В S-склонении различаются три подтипа, которые я буду обозначать буквами: *a*, *nd*, *r* (соответствуют корневым основам, основам на

-*nd* и основам на -*r* в [Гухман 1958]; впрочем, по типу *nd* склоняется и *reiks* ‘властитель’). Набор флексий представлен в Табл. 10 (стр. 23). Форма вокатива (только у *a* и *r*) совпадает с ASg.

Флексия NASg в типе Vr — инфикс, вставляемый перед последней буквой основы;⁴ иначе говоря, словоформа DSg = словоформа NASg без инфикса = основа. Также стоит обратить внимание на совпадение флексий DPl Va с III склонением, Vnd — с I склонением мужского рода, а Vr — с IV склонением (лексемы этого типа следуют IV склонению во всех формах множественного числа, кроме GPl).

В подтипе Va происходит чередование по правилу (3), ср. ADSg *mitaþ* CA, Мк 4:24 ~ GPl *mitade* ‘мера’ CA, Лк 16:7, впрочем, NSg *mitads* CA, Лк 6:38 без отражения оглушения в графике.

Наконец, рассмотрим S-лексемы с нерегулярным словоизменением. При описании нерегулярных S-лексем готского языка я буду указывать лексему, ее СИ-тип и после специального знака ∇ — все отклоняющиеся от стандарта словоформы. Если словоформа дана в скобках, это означает, что она встречается параллельно с регулярной формой. Приводимый ниже список основан на данных [Гухман 1958: 73–92; Streitberg 1920: 113–115; Miller 2019: 61–63]. Лексемы приводятся в порядке описания склонений.

TAUI	‘дело’ In ∇DSgNAPl <i>toja</i> A, 2Кор 7:11 (DSg), CA, Ин 8:41 (APl), DPl <i>tojam</i> B, Кол 3:9 ~ NASg <i>taui</i> Car, Рим 12:4. ⁵
ABA	‘муж’ Пm ∇DPl <i>abnam</i> A, Эф 5:22, GPl <i>abne</i> A, 1Кор 11:3.
*AÚNSA	‘бык’ Пm ∇GPl <i>aúhsne</i> CA, Лк 14:19.
MANNA	‘человек’ Пm ∇DSg <i>mann</i> CA, Мф 7:26, GSg <i>mans</i> CA Мф 8:20, (NAPl <i>mans</i> CA, Мф 8:27 ~ <i>mannans</i> CA, Мк 7:8), GPl <i>manne</i> CA, Мк 7:21.
NAMO	‘имя’ Пn ∇NAPl <i>namna</i> CA, Лк 10:20, DPl <i>namnam</i> E, Sk 5:5, GPl <i>namne</i> E, Sk 5:6.
*WATO	‘вода’ Пn ∇DPl <i>watnam</i> CA, Мф 8:32.
FON	‘огонь’ Пn ∇NASg <i>fon</i> C, Мф 25:41, DSg <i>funin</i> CA, Лк 3:16, GSg <i>funins</i> CA, Мк 9:47.
BANDWO	‘знак’ Пf ∇DSg <i>bandwai</i> A, 1Кор 14:22.
SUNNO	‘солнце’ Пf ∇DSg <i>sunnin</i> CA, Мк 4:6.

⁴ Такой анализ соотношения форм типа NASg *broþar* ~ DSg *broþr*, разумеется, не единственно возможный; например, можно рассматривать форму NASg как содержащую нулевую флексию в сочетании с расширенной основой.

⁵ Данную лексему скорее следует анализировать как демонстрирующую аномальную основу в исходной форме.

WEGS	‘волнение на море’ III _m ∇NPl ⁶ <i>wegos</i> CA, Мк 4:37.
*AIWS	‘время’ III _m ∇DPl <i>aiwam</i> B, 2Кор 11:31.
HAIMS	‘селение’ III _f ∇Pl If: NAPI <i>haimos</i> CA, Мф 9:35, DPl <i>haimom</i> CA, Мк 1:38, GPI <i>haimo</i> CA, Лк 17:12.
WAJAMEREINS	‘богохульство’ III _f ∇GSg <i>wajamereins</i> CA, Ин 10:33.
MENOPS	‘месяц’ Va ∇GSg <i>menopis</i> D, Неем 6:15, DPl <i>menopum</i> A, Гал 4:10.
NAHTS	‘ночь’ Va ∇DPl <i>nahtam</i> CA, Лк 2:37.
WAHTS	‘вещь’ Va/III _f ∇DSg <i>waihtai</i> CA, Ин 6:12, GSg <i>waihtais</i> CA, Лк 20:40 (API <i>waihtins</i> CA, Лк 1:1 ~ <i>waihts</i> E, Sk 2:8).
FIDWOR	‘четыре’ Va ∇NAPI <i>fidwor</i> ; только Pl; так же <i>niun</i> ‘девять’, * <i>ainlif</i> (b) ‘одиннадцать’, <i>twalif</i> (b) ‘двенадцать’, <i>fimftaihun</i> ‘пятнадцать’.

4.2. СИ-типы А-лексем

Словоизменение готских А-лексем более единообразно, чем склонение S-лексем. Строго говоря, у них есть только один СИ-тип, который я буду называть адъективным (Ad). Он имеет разного рода подтипы, а многие лексемы отклоняются от регулярной модели более или менее сильно. Нижеследующее изложение отчасти опирается на анализ готского адъективного склонения в работах [Ratkus 2009; 2011].

Основное парадигматическое противопоставление у А-лексем связано с категорией репрезентации. Склонение прилагательных в определенной (слабой) репрезентации тождественно II склонению S-лексем и ниже само по себе обсуждаться не будет. Напротив, неопределенная (сильная) репрезентация сочетает флексии, характерные для I, III и IV склонений S-лексем, с флексиями, у S-лексем не встречающимися. В Ad-склонении, как и в I склонении S-лексем, выделяются йотовый и безйотовый варианты. В пределах йотового варианта различаются три подтипа: основной, *i*-подтип и *u*-подтип, см. [Гухман 1958: 92–95; Wright 1910: 104–109; Streitberg 1920: 123–130; Mossé 1956: 107–111; Ratkus 2009; Miller 2019: 66–68].

В Табл. 11 (стр. 26) приведены флексии безйотового и основного йотового вариантов неопределенного (сильного) Ad-склонения.

⁶ В [Гухман 1958: 83] данная форма, встречающаяся единственный раз, ошибочно трактуется как API.

		m	n	f
Sg	N	<i>s/is</i>	∅// <i>ata</i>	<i>a/a-∅</i>
	A	<i>ana</i>		<i>a</i>
	D	<i>amma</i>		<i>ai</i>
	G	<i>is</i>		<i>aizos</i>
Pl	N	<i>ai</i>	<i>a</i>	<i>os</i>
	A	<i>ans</i>		
	D	<i>aim</i>		
	G	<i>aize</i>		

Табл. 11. Наборы флексий основного варианта сильного Ad-склонения

Распределение флексий NSgm и NSgf повариантное; в NASgn наблюдается явление парадигматического варьирования, регулируемого во многих случаях непростыми правилами, см., в частности [Ratkus 2015; Miller 2019: 68–70]; распределение флексий NSgf у лексем йотового варианта регулируется морфонологическим правилом, аналогичным правилу (4):

(9) -a / X_, где X состоит из одного краткого слога; ∅ иначе

В йотовом варианте Ad-склонения действуют морфонологические правила (1) и (4), ср. NSgId *wopi* A/B, 2Kop 2:15 ~ DSgId *wopjai* A/B, Эф 5:2 ‘приятный’; NGSgId *alpeis* E, Sk 2:4 ~ NAPlnDf *albjona* A/B, 2Kop 5:17 ‘старый’ vs. NGSgId *niujis*, NASgId *niuja* CA, Лк 5:36 ‘новый’. При этом правило (4) выполняется лишь в неопределенной репрезентации, в то время как в определенной во всех случаях⁷ выступает -*j*- [Wright 1910: 73], как и у S-лексем II склонения, ср. DSgmnDf *faurnjin* CA, Лк 5:36 ‘старый’.

В пределах йотового варианта помимо основного выделяются еще два подтипа (Adi и Adu), отличающиеся от него лишь в нескольких формах единственного числа сильной репрезентации, ср. Табл. 12 (стр. 27). В таблице слева от косой черты находится флексия подтипа Adi, справа — флексия подтипа Adu. Звездочкой помечены те клетки парадигмы, в которых основа не имеет конечного -*j*-. Как легко видеть, это именно те клетки, в которых выступают особые по сравнению с основным подтипом флексии, причем в большинстве случаев различие между основным Ad-склонением и *i*-подтипом состоит именно в том, что последний требует особой основы. Определенное склонение соответствующих A-лексем стандартно.

⁷ Справедливости ради следует отметить, что эти случаи исчерпываются несколькими формами DSgmnDf; релевантные формы GSgmnDf в памятниках не встретились.

		m	n	f
Sg	N	*s/us	*Ø/u//ata	*s/us
	A	ana		a
	D	amma		ai
	G	*ts/aus		aizos
Pl	N	ai	a	os
	A	ans		
	D	aim		
	G	aize		

Табл. 12. Наборы флексий *i-* и *u-* подтипов Ad-склонения

«Длинные» формы NASgnId с флексией *-ata* у лексем подтипа Adu имеют *-j-*, а у лексем подтипа Adi в NASgn встречаются только «короткие» формы.

При образовании словоформ женского рода определенной репрезентации А-лексем присоединяют к основе суффикс *-o-*, за исключением ряда А-лексем (в частности, причастий I), у которых вместо *-o-* в этих формах выступает *-ei-*, см. [Гухман 1958: 96; Wright 1910: 111; Mossé 1956: 111].

Так же, как у S-лексем, у А-лексем происходит чередование глухих и звонких согласных по правилу (3), ср. NSgmId *gops* A/B, ITим 4:6 ~ ASgmId *godana* A, IКор 15:33 'добрый'.

А-лексем с нерегулярным словоизменением весьма многочисленны, в частности, в это множество входит значительная часть лексем, традиционно относящихся к местоимениям. Все нерегулярные А-лексем не имеют определенных (слабых) форм, поэтому указание на репрезентацию в грамматической характеристике я опускаю. Порядок описания нерегулярных А-лексем тот же, что и для S-лексем, однако во многих случаях я буду приводить не только отклоняющиеся от стандартного СИ-типа словоформы, но всю парадигму целиком (в таком случае ссылки на адреса форм в памятниках не приводятся). При этом нестандартные словоформы (если есть стандартные!) выделены полужирным шрифтом.

twai 'два' ∇GPlmn *twaddje* CA, Ин 8:17; только Pl.

*PREIS 'три' нет Sg:

		m	n	f
Pl	N	* <i>preis</i>	<i>prija</i>	?
	A	<i>prins</i>		<i>prins</i>
	D	<i>prim</i>		?
	G	<i>prije</i>		?

Табл. 13. Склонение лексемы PREIS 'три'

IS местоимение 3-го лица:

		m	n	f
Sg	N	<i>is</i>	<i>ita</i>	<i>si</i>
	A	<i>ina</i>		<i>ija</i>
	D	<i>imma</i>		<i>izai</i>
	G	<i>is</i>		<i>izos</i>
Pl	N	<i>eis</i>	<i>ija</i>	<i>ijos</i>
	A	<i>ins</i>		
	D	<i>im</i>		
	G	<i>ize(i)</i>		<i>izo</i>

Табл. 14. Склонение лексемы IS 'он'

SA указательное местоимение; определенный артикль:

		m	n	f
Sg	N	<i>sa</i>	<i>ƀata</i>	<i>so</i>
	A	<i>ƀana</i>		<i>ƀo</i>
	D	<i>ƀamma</i>		<i>ƀizai</i>
	G	<i>ƀis</i>		<i>ƀizos</i>
Pl	N	<i>ƀai</i>	<i>ƀo</i>	<i>ƀos</i>
	A	<i>ƀans</i>		
	D	<i>ƀaim</i>		
	G	<i>ƀize(i)</i>		<i>ƀizo</i>

Табл. 15. Склонение лексемы SA 'этот, тот'

SAH указательное местоимение = SA + энклитическая частица *-uh*:

		m	n	f
Sg	N	<i>sah</i>	<i>ƀatuh</i>	<i>soh</i>
	A	<i>ƀanuh</i>		?
	D	<i>ƀammuh</i>		?
	G	<i>ƀizuh</i>		?
Pl	N	<i>ƀaih</i>	<i>ƀoh</i>	?
	A	<i>ƀanzuh</i>		
	D	<i>ƀaimuh</i>		
	G	?		?

Табл. 16. Склонение лексемы SAH 'этот'

SAEI относительное местоимение ‘который’ = SA + энклитическая частица *-ei*:

		m	n	f
Sg	N	<i>saei</i>	<i>patei</i>	<i>soei</i>
	A	<i>panei</i>		<i>poei</i>
	D	<i>pammei</i>		<i>pizaiei</i>
	G	<i>pizei</i>		<i>pizozei</i>
Pl	N	<i>paiei</i>	<i>poei</i>	<i>pozei</i>
	A	<i>panzei</i>		
	D	<i>paimei</i>		
	G	<i>pizeei</i>		?

Табл. 17. Склонение лексемы SAEI ‘который’

*NIS указательное местоимение ‘этот’: ASgm *hina* CA, Мф 11:23, NASgn *hita* CA, Ин 16:24, DSgmn *himma* CA, Лк 1:48.

HAAS нет Pl; вопросительное местоимение:

		m	n	f
Sg	N	<i>has</i>	<i>ha</i>	<i>ho</i>
	A	<i>hana</i>		
	D	<i>hamma</i>		<i>hizai</i>
	G	<i>his</i>		<i>hizos</i>

Табл. 18. Склонение лексемы HAAS ‘кто, что’

HAZUN ‘любой, всякий’ = HAAS + энклитическая частица *-uh*: в дополнение к формам в Табл. 19 есть также APlm *hanzuh* CA, Лк 10:1.

		m	n	f
Sg	N	<i>hazuh</i>	<i>*vah</i>	<i>hoh</i>
	A	<i>hanoh</i>		
	D	<i>hammeh</i>		?
	G	<i>hizuh</i>		?

Табл. 19. Склонение лексемы HAZUN ‘любой’

PISHAZUN ‘кто/что угодно’: так же, как HAZUN, включая NASgn *bishvah* CA, Мк 6:23.

(AINS)HVARJIZUN ‘каждый’ = HVARJIS Ad + энклитическая частица *-uh*: NSgm *hvarjizuh* CA, Ин 6:7, ASgm *hvarjanoh* CA, Лк 9:14, DSgmn *hvarjamme*

CA, Лк 19:26, GSgmn *ainhvarjizuh* B, 1Фес 5:11, NASgn *hvarjatoh* CA, Мк 9:49, ASgf *ainhvarjoh* A, Эф 4:16.

AINSHUN отрицательное местоимение ‘никто, ничто’ = *ains* Ad ‘один’ + энклитическая частица *hun*; нет Pl, см. Табл. 20.

		m	n	f
Sg	N	<i>ainshun</i>	<i>ainhun</i>	<i>ainohun</i>
	A	<i>ain(n)ohun</i>		
	D	<i>ainummehun/ainomehun</i>		<i>ainaihun</i>
	G	<i>ainishun</i>		?

Табл. 20. Склонение лексемы AINSHUN ‘никто, ничто’

		1 лицо	2 лицо	Refl
Sg	N	<i>ik</i>	<i>þu</i>	—
	A	<i>mik</i>	<i>þuk</i>	<i>sik</i>
	D	<i>mis</i>	<i>þus</i>	<i>sis</i>
	G	<i>meina</i>	<i>þeina</i>	<i>seina</i>
Du	N	<i>wit</i>	? ⁸	
	A	<i>ugkis</i>	<i>igqis</i>	
	D			
	G	<i>*ugkara</i>	<i>igqara</i>	
Pl	N	<i>weis</i>	<i>jūs</i>	
	A	<i>uns(is)</i>	<i>izwis</i>	
	D			
	G	<i>unsara</i>	<i>izwara</i>	

Табл. 21. Словоизменение Р-лексем

4.3. Словоизменение Р-лексем

Склонение семи готских Р-лексем характеризуется большой нерегулярностью и обилием супплетивных образований, см. [Гухман 1958: 102–105; Wright 1910: 120–122; Streitberg 1920: 117–118; Mossé 1956: 101; Miller 2019: 82]. Полные парадигмы приведены в Табл. 21. Несмотря на то, что ряд авторов (например, [Streitberg 1920: 117–118; Mossé 1956: 101]) трактуют возвратное местоимение *sik* как имеющее омонимичные формы всех трех чисел в силу его способности иметь antecedent в любом числе (ср. *jah ataugidedun sik*

⁸ В [Гухман 1958: 103] и [Miller 2019: 82] приводится реконструированная форма N2Du **jut*.

tanagaim ‘и явились многим’ СА, Мф 27:53), с морфологической точки зрения такое описание не представляется убедительным, поэтому я выделяю у этой лексики лишь формы Sg.

Некоторые общие черты словоизменения данных лексем, несомненно, можно отметить, однако их слишком мало, чтобы какую-то одну можно было взять за образец — в таком случае все остальные будут нерегулярными.

4.4. СИ-типы V-лексем

Основное отличие готского глагольного словоизменения от именного заключается в том, что разные словоформы противопоставляются не только при помощи флексий, но и при помощи основ, к которым эти флексии присоединяются. Более того, СИ-типы готских V-лексем дифференцируются также в основном по способам образования основ (о значимости основ для противопоставления СИ-типов см., например, [Рожанский, Маркус 2020]). В свете сказанного, дальнейшее изложение будет строиться следующим образом: сначала в §4.4.1 будет введено противопоставление типов основ и описана общая структура глагольной парадигмы, затем в §4.4.2 будут описаны все основные наборы флексий для глагольных репрезентаций, а в §4.4.3 будет дан подробный обзор СИ-типов глаголов, где основное внимание будет уделено основообразованию. В §4.4.4 будет описано образование рабочих основ от базовых и распределение наборов флексий, а в §4.4.5 — словоизменение нерегулярных и уникальных V-лексем.

4.4.1. Рабочие и базовые основы

Готская V-лексем имеет восемь **рабочих** основ, соотносящихся с выделенными в §2.4 подпарадигмами: Inf и PrsInd, PrsOpt, PstIndSg, PstIndDuPl, PstOpt, Imp, MpInd, MpOpt. К ним также надо добавить основы причастий: PI, PII (как уже было сказано выше, информацию об образовании причастий — производных A-лексем — разумно включать в СИ-тип глагола). Однако традиционно систему готского глагола описывают в терминах четырех главных основ, которые я буду называть **базами** и обозначать BI, BII, BIII, BIV (ср. [Поливанова 2013: 414] о базовых vs. рабочих основах старославянского глагола). В Табл. 22 приводится информация о том, какие фрагменты парадигмы V-лексем образуются от каждой базы (см. [Гухман 1958: 140; Wright 1910: 135]).

Inf	Prs	Imp	Mp	PI	PstIndSg	PstIndDuPl	PstOpt	PII
BI				BII		BIII		BIV

Табл. 22. Соотношение базовых и рабочих основ готского глагола

Базами удобно оперировать потому, что противопоставление разных СИ-типов V-лексем осуществляется в основном за счет способов образования именно баз, в то время как рабочие основы образуются от баз по правилам, более или менее общим для всех глаголов.

4.4.2. Флексии V-лексем

Можно выделить пять основных типов флексий готской V-лексеми: флексии PrsInd, флексии PstInd, флексии Imp, флексии Opt и флексии Mr. Наборы флексий PrsInd, Opt, PstIndDuPl, Imp и Mr практически одинаковы для всех СИ-типов глаголов, см. [Гухман 1958: 135–139; Mossé 1956: 131–139].

Существует один набор стандартных флексий PrsInd, представленный в Табл. 23.

Напротив, существует два набора флексий PstInd — **сильный** и **слабый**, различающиеся только в единственном числе. Они представлены в Табл. 24.

Sg	1	<i>a</i>
	2	<i>is</i>
	3	<i>ip</i>
Du	1	<i>os</i>
	2	<i>ats</i>
Pl	1	<i>am</i>
	2	<i>ip</i>
	3	<i>and</i>

Табл. 23. Набор флексий PrsInd

		сильн.	слаб.
Sg	1,3	∅	<i>a</i>
	2	<i>t</i>	<i>es</i>
Du	1	∅	
	2	<i>ts</i>	
Pl	1	<i>m</i>	
	2	<i>p</i>	
	3	<i>n</i>	

Табл. 24. Наборы флексий PstInd

Набор флексий императива практически полностью унифицирован, за исключением лишь клетки 2Sg, о распределении флексий в которой пойдет речь в §4.4.4, см. Табл. 25 (стр. 33).

Набор флексий опатива един для всех глаголов и для Prs и Pst, см. Табл. 26 (стр. 33); как и в Imp, в одной-единственной парадигматической клетке (1SgOpt) встречаются две разные флексии, распределенные в презенсе по СИ-типам, см. §4.4.4.

Наконец, флексии Mr совершенно одинаковы для всех типов глаголов, см. Табл. 27 (стр. 33). Напомню, что в медиопассиве множественного числа не различаются формы лиц.

Теоретически в составе флексий MrOpt можно было бы выделить *-u* в качестве маркера опатива, однако такое описательное решение, во-первых, противоречило бы Принципу флективности и, во-вторых, никак не

упростило бы описание, поскольку такое «агглютинативное» соотношение индикатива и оптатива более в готском не встречается.

Sg	1	—
	2	∅/i
	3	dau
Du	1	—
	2	ts
Pl	1	m
	2	ip
	3	ndau

Табл. 25. Наборы флексий Imp

Sg	1	au/∅
	2	s
	3	∅
Du	1	wa
	2	ts
Pl	1	ma
	2	p
	3	na

Табл. 26. Наборы флексий Opt

		Ind	Opt
Sg	1,3	da	dau
	2	za	zau
Pl		nda	ndau

Табл. 27. Наборы флексий Mр

4.4.3. Классификация V-лексем

Готские V-лексеммы можно разбить на три основных СИ-типа, различающиеся способами образования базовых основ: **сильные** глаголы (сильн.), **слабые** глаголы (слаб.) и **претерито-презентные** глаголы (ПП), которые можно было бы также назвать **сильно-слабыми**, ср. [Гухман 1958: 139]. К последнему СИ-типу относятся лишь несколько нерегулярных и уникальных глаголов, словоизменение которых объединяет черты сильных и слабых глаголов, поэтому они будут рассмотрены вместе с нерегулярными V-лексеммами в §4.4.5. Что же касается сильных и слабых V-лексемм, то они представляют собой два четко различающихся между собой регулярных СИ-типа, каждый из которых распадается на несколько подтипов. Выделение двух основных классов глаголов и подразделение их на подклассы довольно единообразно проводится во всех описаниях готского языка, см. [Wright 1910: 133–134; Streitberg 1920: 140; Mossé 1956: 120–121; Miller 2019: Ch. 5]. В данном разделе будет описано только образование баз разных СИ-типов V-лексем. Правила построения рабочих основ, к которым присоединяются флексии, будут приведены в §4.4.4.

А. Сильные глаголы отличаются от слабых в первую очередь тем, что их базы образуются не суффиксацией, а в основном с помощью чередований гласных (аблаута). В пределах макрокласса сильных V-лексем можно выделить семь классов (я буду обозначать их римскими цифрами), различия между которыми заключаются, во-первых, в виде чередований и, во-вторых, в структуре корня, ср. [Miller 2019: 176–177].

Базы сильных глаголов I–VI классов образуются только при помощи аблаута. Мы будем считать VI, получающуюся из словоформы инфинитива отделением цепочки *-an* (или из любой словоформы системы PrsInd отделением флексии), исходной. Она имеет следующую общую структуру: $C_1V_1(R)C_2$, где *C* — согласный или группа согласных, *V* — гласный, *R* — сонант /i, u/. Базы VII, VIII, BIV получаются из VI заменой типа $V_1 \rightarrow V_2$, $V_1R \rightarrow V_2$. Типы огласовок баз I–VI классов сильных глаголов представлены в Табл. 28. Каждая из баз получается подстановкой данной в таблице цепочки в интервал $C_1\_C_2$.

	VI	VII	VIII	BIV
I	<i>ei</i>	<i>ai</i>	<i>i</i>	
II	<i>iu</i>	<i>au</i>	<i>u</i>	
III	<i>i</i>	<i>a</i>		
IV			<i>a</i>	
V				
VI	<i>a</i>	<i>o</i>		<i>a</i>

Табл. 28. Образование баз сильных глаголов классов I–VI

В VI классе есть небольшая группа глаголов, VI которых имеет суффикс *-j-*: *наѣѣѣѣ* ‘поднимать’, *скаѣѣѣѣ* ‘вредить’ и некоторые другие. Остальные базы таких глаголов получаются из VI усечением конечного *-j-* и применением стандартных чередований, ср. 3SgPrsInd *and.hafjip* С, Мф 25:45 ~ 3SgPstInd *and.hof* СА, Мф 27:12 ‘отвечать’.

В базах, содержащих одиночные *i* или *u*, происходит их «преломление» по правилу (5) перед *r*, *h*, *hv*. В Табл. 29 (стр. 35) приводятся образцы баз I–VI классов сильных глаголов с «преломлением» и без него.

Принадлежность V-лексема к одному из шести классов можно (за редкими исключениями) определить по VI: все глаголы I класса содержат *-ei-*, II класса — *-iu-*, III класса — *-i-* (*-ai-*) + сонорный (*r, l, m, n*) + согласный (напомню, что буквосочетания *gk, gg, gq* фонологически означают /nk/, /ng/, /nk^w/), IV класса — *-i-* (*-ai-*) + сонорный, V класса — *-i-* (*ai*) + шумный согласный, VI класса — *-a-*.

		VI	VII	VIII	BIV
I	STEIGAN 'подниматься' TEIHAN 'показывать'	<i>steig-</i> <i>teih-</i>	<i>staig-</i> <i>taih-</i>	<i>stig-</i> <i>taih-</i>	
II	BIUGAN 'гнуть' TIUNAN 'уводить'	<i>biug-</i> <i>tiuh-</i>	<i>baug-</i> <i>tauh-</i>	<i>bug-</i> <i>tauh-</i>	
III	BINDAN 'связывать' WAÍRAN 'бросать'	<i>bind-</i> <i>waírp-</i>	<i>band-</i> <i>warp-</i>	<i>bund-</i> <i>waírp-</i>	
IV	QIMAN 'приходить' BAÍRAN 'нести'	<i>qim-</i> <i>baír-</i>	<i>qam-</i> <i>bar-</i>	<i>qem-</i> <i>ber-</i>	<i>qum-</i> <i>baúr-</i>
V	GIBAN 'давать' SAÍFUAN 'видеть'	<i>gib-</i> <i>saíhv-</i>	<i>gab-</i> <i>sah-</i>	<i>geb-</i> <i>seh-</i>	<i>gib-</i> <i>saíhv-</i>
VI	GRABAN 'копать' HAFFAN 'поднимать'	<i>grab-</i> <i>haff-</i>	<i>grob-</i> <i>hof-</i>		<i>grab-</i> <i>haff-</i>

Табл. 29. Образцы баз сильных глаголов классов I–VI

V-лексемы VII класса образуют базы совершенно другим способом, а именно редупликацией, при этом BIV совпадает с VI, а VII — с VIII. Редупликация, при помощи которой строится база VII от непроезводных глаголов, описывается так:

- (10) Пусть $VI = C_1V'$, где C_1 — согласный, сочетание *sk*, *st* или $\emptyset$, а V' — непустая цепочка букв не длиннее одного слога. Тогда $VII = C_1aíVI$. Если V' содержит *-e-* или оканчивается на *-ai-*, они заменяются на *-o-*.

В связи с V-лексемами VII класса уместно сформулировать общее правило, касающееся словоизменения префиксальных глаголов (ср. обсуждение явления «head marking» в [Stump 2001: Ch. 4]):

- (11) Пусть P — префикс, V — глагол без префикса, G — грамматическая характеристика. Тогда для любого G словоформа $w = G(P+V) = P+G(V)$.

Иными словами, словоизменение префиксальных глаголов тождественно словоизменению простых, в том числе в отношении действия морфонологических правил (в частности, правило (4), чувствительное к количеству слогов в основе, «не считает» глагольный префикс, см. ниже). Применительно к глаголам VII класса это означает, что редупликация применяется к основе без префикса, применительно к сильным глаголам

в целом — что правила аблаута нечувствительны к наличию префиксов и не учитывают их. Образцы баз глаголов VII класса приведены в Табл. 30.

		VI	VII	VIII	IV
VII	SKAIDAN 'разлучать'	<i>skaid-</i>	<i>skai'skaid-</i>		<i>skaid-</i>
	HAITAN 'звать'	<i>hait-</i>	<i>haihait-</i>		<i>hait-</i>
	AUKAN 'расти'	<i>auk-</i>	<i>ai'auk-</i>		<i>auk-</i>
	SAIAN 'сеять'	<i>sai-</i>	<i>sai'so-</i>		<i>sai-</i>
	FRA.LETAN 'разрешать'	<i>fra.let-</i>	<i>fra.lai'lot-</i>		<i>fra.let-</i>
	AF.AIKAN 'отрекаться'	<i>af.aiik-</i>	<i>af.ai'aik-</i>		<i>af.aiik-</i>

Табл. 30. Образцы баз сильных глаголов VII класса

В. Слабые V-лексемы образуют базы при помощи суффиксации без регулярных чередований гласных. Существует четыре класса слабых глаголов, которые я буду обозначать арабскими цифрами. Слабые глаголы всех четырех классов обладают следующим общим свойством образования баз:

$$(12) \text{ VIII} = \text{VII} + \text{ed}, \text{ IV} = \text{VI}$$

Таким образом, глаголы классов 1–4 различаются в основном структурой VI и правилами образования VII, см. [Гухман 1958: 150–165; Wright 1910: 149–161; Streitberg 1920: 149–154; Mossé 1956: 128–130; Miller 2019: 191–193].

Все глаголы класса 1 в инфинитиве оканчиваются на *-jan*. Для того, чтобы получить VI, необходимо отделить от словоформы Inf последние две буквы. Аналогичным образом получают VI глаголов классов 3 (Inf на *-an*) и 4 (Inf на *-nan*). В отличие от них, все глаголы класса 2 (и только они) имеют инфинитив на *-on*; чтобы получить VI, нужно отделить только последнюю букву (очевидно, что здесь та же флексия *-an*, гласный которой исчез по правилу (7)). Правила образования VII приведены в Табл. 31. В столбце VI указана последняя буква VI (кроме класса 3, где она совпадает с последней буквой корня и потому может варьироваться). В VII класса 1 происходит вокализация *-j-* по правилу (1).

	VI	VII
1	<i>j</i>	VI+ <i>d</i>
2	<i>o</i>	
3	<i>с</i>	VI+ <i>aid</i>
4	<i>n</i>	VI+ <i>od</i>

Табл. 31. Соотношение VI и VII у слабых глаголов

В Табл. 32 приводятся примеры образования всех баз для классов I–4. BIV от глагола класса 4 взята в скобки потому, что от этих глаголов PII не образуется.

	VI	VII	VIII	BIV
WASJAN 'одевать'	<i>wasj-</i>	<i>wasid-</i>	<i>wasided-</i>	<i>wasid-</i>
SALBON 'мазать'	<i>salbo-</i>	<i>salbod-</i>	<i>salboded-</i>	<i>salbod-</i>
HABAN 'иметь'	<i>hab-</i>	<i>habaid-</i>	<i>habaided-</i>	<i>habaid-</i>
FULLNAN 'наполняться'	<i>fulln-</i>	<i>fullnod-</i>	<i>fullnoded-</i>	(<i>fullnod-</i>)

Табл. 32. Образцы баз слабых глаголов

В классе I выделяется небольшая группа лексем, образующих VII (и, соответственно, VIII и BIV) не по правилам из Табл. 31, а присоединяя суффикс *-t* непосредственно к корню с усечением *-j-*:

$$(13) VII = VI \setminus j + t$$

При этом происходят следующие дополнительные чередования (важно, что правила (14с, d) действуют после правила (14а), создающего контекст для них):

- (14) а. $k, g \rightarrow h / \_t$
 б. $t \rightarrow s / \_t$ (= правило 6)
 в. $u \rightarrow au / \_h$ (= правило 5)
 д. $ag, ug \rightarrow \bar{a}, \bar{u} / \_h$ (g здесь фонологически означает /n/)

Данную группу глаголов я выделяю в подкласс It. Примеры образования баз V-лексем этого класса приведены в Табл. 33.

	VI	VII	VIII	BIV
WAÚRKJAN 'действовать'	<i>waúrkj-</i>	<i>waúrht-</i>	<i>waúrhted-</i>	<i>waúrht-</i>
PAĠKJAN 'думать'	<i>paġkj-</i>	<i>pāht-</i>	<i>pāhted-</i>	<i>pāht-</i>
BUGJAN 'покупать'	<i>bugj-</i>	<i>baúht-</i>	<i>baúhted-</i>	<i>baúht-</i>
KAUPATJAN 'давать пощечину'	<i>kaupatj-</i>	<i>kaupast-</i>	<i>kaupasted-</i>	<i>kaupast-</i>

Табл. 33. Образцы баз глаголов класса It

4.4.4. Правила образования рабочих основ и выбора флексий V-лексем

Образование рабочих основ V-лексем от четырех баз более или менее одинаково у всех классов глаголов. Также в большинстве случаев к одинаковым рабочим основам в разных классах присоединяются одни и те

же флексии. Нужно, однако, отметить следующие особенности: во-первых, имеются различия в построении рабочих основ и выборе флексий между сильными и слабыми V-лексемами; во-вторых, в то время как лексемы всех семи сильных классов образуют рабочие основы и словоформы одинаково, между классами слабых глаголов имеются в этом смысле некоторые различия. Правила построения рабочих основ для всех классов глаголов приведены в Табл. 34. Второй класс слабых глаголов приводится в таблице последним, поскольку отличается от всех остальных.

	I-VII	1	3	4	2*
PrsInd	BI				
Imp**	BI+a			—	BI
MpInd					
PrsOpt***	BI+ai			—	
MpOpt					
Inf	BI+an				
PI	BI+and				
PstIndSg	BII				
PstIndDuPl	BIII+u				
PstOpt	BIII+J****				
PII	BIV+an	BIV			

Табл. 34. Правила образования рабочих основ V-лексем

Примечания к Табл. 34:

- * В классе 2 во всех релевантных случаях гласный форматива выпадает по правилу (7).
- ** Кроме 2Sg2PlImp, образование которых будет описано ниже отдельно.
- *** Кроме 1SgOptPrs, основа которой совпадает с BI.
- **** J — особый форматив, поверхностные варианты которого распределяются следующим образом:

$$\begin{aligned}
 (15) \text{ J} &\rightarrow \text{i}/\_\#, \\
 &\rightarrow \text{j}/\_\text{V} \\
 &\rightarrow \text{ei}/\_\text{C}
 \end{aligned}$$

В Табл. 35 (стр. 39) указаны правила выбора наборов флексий для всех финитных подпарадигм и отдельно для трех форм, указанных в примечаниях к Табл. 34. Напомню, что сами наборы флексий приведены в §4.4.2 в Табл. 23–27, ссылки на которые даны в Табл. 35.

	I-VII	1, 4	3*	2**
PrsInd (Т. 23)	Prs			
PstInd (Т. 24)	сильные	слабые		
Imp (Т. 25)	Imp			
Imp2Sg***	∅		-i	∅
Imp2Pl	= 2PlPrsInd			
PrsPstOpt (Т. 26)	Opt			
PrsOpt1Sg		-au		∅
Mp (Т. 27)	Mp			

Табл. 35. Правила выбора флексий финитных форм V-лексем

Примечания к Табл. 35:

- * В классе 3 перед флексиями, начинающимися с *i* (2,3Sg2PlPrsInd, 2SgPlImp), VI расширяется формативом *-a*.
- ** В классе 2 флексии PrsInd теряют гласный по правилу (7) (в частности, 1Sg *-a* → ∅).
- *** 2SgImp у сильных глаголов и слабых глаголов классов 2 и 4 совпадает с VI, у глаголов класса I получается из VI заменой *-j-* на *-ei-*, у глаголов класса 3 = VI+*ai*.

Помимо этого, в готском глагольном словоизменении наблюдаются следующие морфонологические явления. Во-первых, у всех сильных глаголов в словоформах с нулевой флексией, присоединяющейся непосредственно к соответствующей базе (2SgImp, 1,3SgPstInd), и в словоформе с консонантной флексией (2SgPstInd) происходит чередование звонких и глухих согласных по правилу (3): *gIVAN V* 'давать': 2SgImp *gif* CA, Ин 6:34, 1,3SgPstInd *gaf* CA, Ин 6:37, 2SgPstInd *gaf̄t* CA, Ин 17:22; *viDAN V* 'просить': 1,3SgPstInd *baþ* CA, Лк 7:36. Во-вторых, когда флексия 2SgPstInd сильных глаголов *-t* присоединяется к основе на дентальный шумный /d, t, þ/, этот согласный переходит в /s/ по правилу (6), например, *AND.haiþAN* 'исповедовать': *and.haiþaist* A/B, ITим 6:12; *ANA.viUDAN* 'приказать': *ana.baust* CA, Лк 14:22; *qIVAN V* 'говорить': *qast* CA, Лк 20:39. Тем не менее, правило (14a) в этой форме не действует, ср. ниже спряжение претерито-презентного глагола *MAGAN* 'мочь'.

В-третьих, при образовании форм PrsInd и 2PlImp глаголы классов I и VIj подвергаются действию правила (4): *wasJAN I* 'одевать': 3SgPrsInd *wasjip* CA, Мф 6:30; *GA.nasJAN I* 'спасти': 2SgPrsInd *ga.nasjis* B, ITим 4:16 vs. *GA.wandJAN I* 'возвратить': 3SgPrsInd *ga.wandeip* CA, Лк 1:16; *sokJAN I* 'искать': 2PlPrsInd *sokeip* CA, Ин 6:26; *rodJAN I* 'говорить': 2SgPrsInd *rodeis* CA, Ин 16:29; *wansJAN VIj* 'расти': 3SgPrsInd *wahseip* B, Эф 2:21.

4.4.5. *V-лексемы с нерегулярным и уникальным словоизменением*

Ввиду того, что, с одной стороны, полная парадигма готской *V-лексем* довольно обширна, а, с другой стороны, в большинстве случаев нерегулярность спряжения заключается в нестандартном образовании основ, при описании словоизменения глаголов, отклоняющихся от стандартных СИ-типов, я буду использовать так называемые «анкеты» *V-лексем* (ср. [Поливанова 2013: 143]). В анкету включаются словоформы, образованные от каждой из рабочих основ данной *V-лексем* (если такая основа имеется), а также словоформы, демонстрирующие основные парадигматические противопоставления в пределах репрезентации. Свободная анкета *V-лексем* представлена в Табл. 36.

Inf		NSgmIdPI		NSgmIdPII	
1SgPrsInd		2SgPrsInd		1PlPrsInd	
1SgPrsOpt	2SgPrsOpt	PlMpInd		PlMpOpt	
2SgImp		3SgImp		2PlImp	
1,3SgPstInd		1PlPstInd		1SgPstOpt	

Табл. 36. Анкета готской *V-лексем*

Желая построить словоформу s_0 лексем *L* с грамматической характеристикой G_0 , необходимо: а) выяснить, от какой основы образуется s_0 , что однозначно определяется G_0 ; б) найти в анжете *L* словоформу s_1 с грамматической характеристикой G_1 , образованную от той же основы; в) по таблице флексий для данной подпарадигмы узнать, какая флексия отвечает s_1 ; д) отделить эту флексию; получится требуемая основа; е) по той же таблице флексий определить, какая флексия отвечает s_0 ; ф) присоединить к полученной основе эту флексию, при этом провести все необходимые чередования. Приведу для иллюстрации анкету глагола *qīƿan V* ‘говорить’, для которого значительная часть анкетных форм зафиксирована в памятниках (см. [Snædal 2009: 162–163]), см. Табл. 37.

Inf: <i>qīƿan</i>		NSgmIdPI: <i>qīƿands</i>		NSgmIdPII: <i>*qīƿans</i>	
1SgPrsInd: <i>qīƿa</i>		2SgPrsInd: <i>qīƿis</i>		1PlPrsInd: <i>qīƿam</i>	
1SgPrsOpt: <i>qīƿau</i>	2SgPrsOpt: <i>qīƿais</i>	PlMpInd: <i>*qīƿanda</i>		PlMpOpt: <i>qīƿaindau</i>	
2SgImp: <i>qīƿ</i>		3SgImp: <i>qīƿadau</i>		2PlImp: <i>qīƿip</i>	
1,3SgPstInd: <i>qaf</i>		1PlPstInd: <i>qepum</i>		1SgPstOpt: <i>qepjau</i>	

Табл. 37. Анкета глагола *qīƿan V* ‘говорить’

Анкеты будут использоваться при описании спряжения претерито-презентных глаголов, которые нельзя включить ни в какой из рассмотренных

выше регулярных классов V-лексем. При описании словоизменения глаголов, отклоняющихся от того или иного СИ-типа, я буду указывать лишь нестандартно образованные базы, основы или словоформы. В тех случаях, когда «анкетная» словоформа в памятниках не зафиксирована, но известна минимально отличающаяся от нее, я буду приводить последнюю, а не реконструированную форму.

А. Претерито-презентные глаголы. К данному СИ-типу (ПП) относится небольшое количество V-лексем, словоизменительная модель которых сочетает в себе признаки как сильных, так и слабых глаголов: все ПП-глаголы образуют словоформы Prs по типу Pst сильных глаголов, а Pst и PII — по типу слабых глаголов. Практически каждый из ПП-глаголов можно условно соотнести с одним из классов I–VI; при этом PrsIndSg образуется от VII, PrsIndDuPl и PrsOpt — от VIII, а Pst, Mp, PI, PII, Inf — от IV. При такой трактовке VI в системе ПП-глаголов вообще нет (например, база с огласовкой *-u-* у глагола KUNNAN ‘знать’ — VIII либо IV, но не VI, даже если от нее образуется Prs). Кроме того, образование баз ПП-глаголов в любом случае нередко отклоняется от регулярного для соответствующих классов сильных глаголов. Ниже приводятся анкеты всех засвидетельствованных неединичными формами ПП-глаголов; пропуски в анкетах означают, что данная словоформа не засвидетельствована и не может быть восстановлена. Это в первую очередь касается форм Imp и Mp, которые у ПП-глаголов в силу их стативной семантики, по всей видимости, вообще отсутствовали.

Inf: *witan		NSgmIdPI: witanands		NSgmIdPII: —	
1SgPrsInd: wait		2SgPrsInd: waist		1PlPrsInd: witum	
1SgPrsOpt: witjau	2SgPrsOpt: witeis	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PlImp: —	
1,3SgPstInd: wissa		3PlPstInd: wissedun		1SgPstOpt: wissedjau	

Табл. 38. Анкета глагола *WITAN ‘знать’

Inf: kunnan		NSgmIdPI: kunnands		NSgmIdPII: kunþs	
1SgPrsInd: kann		2SgPrsInd: kan(n)t		1PlPrsInd: kunnum	
1SgPrsOpt: kunnjau	2SgPrsOpt: kunneis	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PlImp: —	
1,3SgPstInd: kunþa		1PlPstInd: kunþedum		2PlPstOpt: kunþedeip	

Табл. 39. Анкета глагола KUNNAN ‘знать, быть знакомым’

Inf: * <i>þaúrban</i>		DSgmnDfPI: <i>þaúrbandin</i>		NSgmIdPII: <i>þaúrfts</i>	
1SgPrsInd: <i>þarf</i>		2SgPrsInd: <i>þarft</i>		1PIPrsInd: <i>þaúrbum</i>	
1SgPrsOpt: —	2PIPrsOpt: <i>þaúrbeip</i>	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PIImp: —	
1,3SgPstInd: <i>þaúrfta</i>		1PIPstInd: —		1SgPstOpt: —	

Табл. 40. Анкета глагола *ÞAÚRBAN ‘нуждаться’

Inf: <i>ga.daúrsan</i>		NSgmIdPI: —		NSgmIdPII: —	
1SgPrsInd: <i>ga.dars</i>		2SgPrsInd: —		1PIPrsInd: <i>ga.daúrsum</i>	
1SgPrsOpt: <i>ga.daúrsjau</i>	2SgPrsOpt: —	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PIImp: —	
1,3SgPstInd: <i>ga.daúrsta</i>		3PIPstInd: <i>ga.daúrstedun</i>		1SgPstOpt: —	

Табл. 41. Анкета глагола GA.DAÚRSAN ‘осмеливаться’

Inf: * <i>skulan</i>		NSgmIdPI: —		NSgmIdPII: <i>skulds</i>	
1SgPrsInd: <i>skal</i>		2SgPrsInd: <i>skalt</i>		1PIPrsInd: <i>skulum</i>	
1SgPrsOpt: <i>skuljau</i>	3SgPrsOpt: <i>skuli</i>	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PIImp: —	
1,3SgPstInd: <i>skulda</i>		1PIPstInd: <i>skuldedum</i>		3SgPstOpt: <i>skuldedi</i>	

Табл. 42. Анкета глагола *SKULAN ‘долженствовать’

Inf: * <i>munan</i> ⁹		APlmIdPI: <i>munandans</i>		NSgmIdPII: <i>munds</i>	
1SgPrsInd: <i>man</i>		2SgPrsInd: —		2PIPrsInd: * <i>munup</i> ¹⁰	
1SgPrsOpt: —	3SgPrsOpt: <i>muni</i>	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PIImp: —	
1,3SgPstInd: <i>munda</i>		3PIPstInd: <i>mundedun</i>		1SgPstOpt: —	

Табл. 43. Анкета глагола *MUNAN ‘думать’

Inf: * <i>magan</i>		NSgmIdPI: <i>magands</i>		NSgmIdPII: <i>mahts</i>	
1SgPrsInd: <i>mag</i>		2SgPrsInd: <i>magt</i>		1PIPrsInd: <i>magum</i>	
1SgPrsOpt: <i>magjau</i>	2SgPrsOpt: <i>mageis</i>	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PIImp: —	
1,3SgPstInd: <i>mahta</i>		1PIPstInd: <i>mahtedum</i>		3SgPstOpt: <i>mahtedi</i>	

Табл. 44. Анкета глагола *MAGAN ‘мочь’

⁹ Ср. *ga.munan* ‘помнить’ А, 1Кор 15:2.¹⁰ Ср. *ga.munup* ‘помните’ СА, Мк 8:18.

Inf: *aihan ¹¹		NSgmIdPI: <i>aigands</i>		NSgmIdPII: —	
1SgPrsInd: <i>aih</i>		2SgPrsInd: <i>aiht</i>		1PIPrsInd: <i>aigum</i> // <i>aihum</i>	
1SgPrsOpt: —	3SgPrsOpt: <i>aigi</i>	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: —		3SgImp: —		2PlImp: —	
1,3SgPstInd: <i>aihta</i>		3PlPstInd: <i>aihtedun</i>		2SgPstOpt: <i>aihtedeis</i>	

Табл. 45. Анкета глагола *AIHAN 'иметь'

Inf: —		NSgmIdPI: <i>ogands</i>		NSgmIdPII: —	
1SgPrsInd: <i>og</i>		2SgPrsInd: —		1PIPrsInd: —	
1SgPrsOpt: —	2SgPrsOpt: <i>ogeis</i>	PlMpInd: —		PlMpOpt: —	
2SgImp: <i>ogs</i>		3SgImp: —		2PlImp: —	
1,3SgPstInd: <i>ohta</i>		3PlPstInd: <i>ohtedun</i>		1SgPstOpt: —	

Табл. 46. Анкета глагола *OGAN 'бояться'

- *-NAÚHAN: GA.NAÚHAN 'быть достаточным', VI.NAÚHAN 'быть должным': 3SgPrsInd *bi.nah*, NSgmIdPII *bi.nauht* A, 1Кор 10:23, 3SgPrsInd *ga.nah* A/B, 2Кор 2:6.
- *GA-MOTAN 'вмещаться': 3SgPrsInd *ga.mot* CA, Ин 8:37, 1PIPrsOpt *ga.moteima* A/B 2Кор 7:2, 3PlPstInd *ga.mostedun* CA, Мк 2:2.
- lais* 1,3SgPrsInd 'знаю' B, Фил 4:12; засвидетельствована только данная словоформа.
- daug* 1,3SgPrsInd 'годится' A, 1Кор 10:23; засвидетельствована только данная словоформа.

В. Другие нерегулярные V-лексемы. Здесь вместо анкет указывается СИ-тип, к которому ближе всего оказывается словоизменение лексемы, и отклоняющиеся базы и/или конкретные формы.

- LŪKAN 'закрывать' II ∇VI *lūk-*: NSgmIdPI *ga.lūkands* CA, Мф 6:6 ~ 3SgPstInd *ga.lauk* CA, Лк 3:20.
- TRUDAN 'наступать' IV¹² ∇VI *trud-*: Inf *trudan* CA, Лк 10:19, NSgmIdPII *ga.trudan* CA, Лк 8:5; VII и VIII не зафиксированы.

¹¹ Ср. *faír.aihan* 'иметь долю', А, 1Кор 10:21.

¹² Данный глагол традиционно относят к IV классу (ср. [Streitberg 1910: 142; Miller 2019: 488]) на основании внешнего сравнения; аномальны для IV здесь не только ступень аблаута *-u-*, но и конечный шумный корня.

WULAN	‘распространяться’ IV ∇ VI <i>wul-</i> : 3SgPrsInd <i>wulip</i> В, 2Тим 2:17; ВII–ВIV не зафиксированы.
FRA.ITAN	‘жрать’ V ∇ ВII <i>fret-</i> : 3SgPstInd <i>fret</i> СА, Лк 15:30. ¹³
FRAÍHNAN	‘спрашивать’ V ∇ VI <i>fraíh.n-</i> : 2PlImp <i>fraíhniþ</i> СА, Ин 9:21, 3SgPrsOpt <i>fraíhnai</i> СА, Ин 16:30 ~ 3SgPstInd <i>frah</i> СА, Мф 27:11, 3PlPstInd <i>frehun</i> СА, Ин 9:2, NSgmIdPII <i>fraíhans</i> СА, Лк 17:20.
STANDAN	‘стоять’ VI ∇ VI <i>sta.n.d-</i> : ¹⁴ 3SgPrsInd <i>us.standiþ</i> СА, Ин 11:23 ~ 3SgPstInd <i>stop</i> СА, Мф 27:11, 3PlPstInd <i>stopun</i> СА, Ин 18:18.
SLEPAN	‘спать’ VII ∇ ВII, ВIII <i>saíslep-//saízlep-</i> : 3SgPstInd <i>saíslep</i> СА, Мф 8:24, 3PlPstInd <i>ga.saízlepun</i> А, 1Кор 15:6.
GAGGAN	‘идти’ VII ¹⁵ ∇ ВII <i>iddj-//gaggid-</i> , ВIII <i>iddjed-</i> : 3SgPstInd <i>iddja</i> СА, Мф 9:9, <i>gaggida</i> СА, Лк 19:12, ¹⁶ 3PlPstInd <i>iddjedun</i> СА, Ин 6:21 ~ 2SgImp <i>gagg</i> СА, Мф 8:9, ASgfIdPII <i>us.gaggana</i> СА, Мк 7:30.
BRIGGAN	‘нести’ III ∇ ВII <i>bräht-</i> , ВIII <i>brähted-</i> : 3SgPstInd <i>brähta</i> СА, Лк 15:13, 3PlPstInd <i>brähtedun</i> СА, Лк 2:22 ~ 2SgPrsOpt <i>briggais</i> СА, Мф 6:13.
WILJAN	‘хотеть’ ∇ нет PrsInd; PrsOpt <i>wil+J</i> , ВII <i>wild-</i> , ВIII <i>wilded-</i> : 1SgPrsOpt <i>wiljau</i> СА, Мт 8:3, 2SgPrsOpt <i>wileis</i> СА, Лк 5:12, 3SgPstInd <i>wilda</i> СА, Лк 15:28, 3PlPstInd <i>wildedun</i> СА, Лк 19:27.
WISAN	‘быть’ V ∇ Prs, см. Табл. 47 (стр. 45) [Snædal 2009: 161]; PrsOpt образуется регулярно от основы <i>si(j)-</i> ~ Inf <i>wisan</i> СА, Ин 7:4, NSgmIdPI <i>wisands</i> СА, Ин 7:9; Imp нет; 3SgPstInd <i>was</i> СА, Мф 7:25, 1SgPstOpt <i>wesjau</i> СА, Ин 18:36.
*HIRJAN	‘идти к говорящему’ ∇ только Imp: 2SgImp <i>hiri</i> СА, Ин 11:34, 2DuImp <i>hirjats</i> СА, Мк 1:17, 2PlImp <i>hirjiþ</i> СА, Мк 12:7. NB нет преобразования <i>i</i> → <i>aí</i> по правилу (5).

¹³ По аналогии с данной лексемой обычно постулируется нерегулярная ВII и у непроезводной лексемы ITAN ‘есть’, ср. [Miller 2019: 659]; для этого нет оснований, т.к. соответствующие формы не зафиксированы, а *ē*/ в ВII от FRAITAN может быть результатом слияния, ср. трактовку этих глаголов в [Streitberg 1910: 69] и данные других германских языков.

¹⁴ В VI аномальны инфикс и звонкость конечного согласного.

¹⁵ Отнесение данной лексемы к VII классу условно.

¹⁶ В [Miller 2019: 191] данная форма соотносится с не зафиксированным иначе глаголом *gaggjan I.

		Ind	Opt
Sg	1	<i>im</i>	<i>si(j)au</i>
	2	<i>is</i>	<i>si(j)ais</i>
	3	<i>ist</i>	<i>si(j)ai</i>
Du	1	<i>siju</i>	—
	2	<i>*sijuts</i>	—
Pl	1	<i>si(j)um</i>	<i>si(j)aima</i>
	2	<i>si(j)uþ</i>	<i>si(j)aiþ</i>
	3	<i>sind</i>	<i>si(j)aina</i>

Табл. 47. Спряжение V-лексемы *WISAN* ‘быть’ в презенсе

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предшествующих разделах была построена по возможности полная синхронная парадигматическая модель словоизменения готского языка, основывающаяся на ряде относительно простых и интуитивно приемлемых принципов, сформулированных в работах А. А. Зализняка и А. К. Поливановой и — отчасти¹⁷ независимо от них — в работах ряда зарубежных морфологов, придерживающихся тех или иных вариантов модели «слово-парадигма». Предложенное здесь описание, смею надеяться, является, с одной стороны, более эксплицитным и обобщенным, чем представленное в классических грамматиках готского языка, включая и новейшую грамматику [Miller 2019], с другой стороны, более наглядным и адекватным языковому материалу, чем раннегенеративистский опыт [Buckalew 1964]. Несмотря на то, что в целом ряде деталей мое описание отличается от традиционных, я в основном сохраняю те же номенклатуру словоизменительных типов и логику построения форм (особенно в системе глагола), лишь эксплицирую и формализую морфологические и морфонологические закономерности. Предложенное здесь описание готского словоизменения может быть дополнено парадигматическими сопоставлениями разных СИ-типов и анализом в терминах взаимной предсказуемости клеток парадигмы в духе недавних работ [Ackerman, Malouf 2016; Sims, Parker 2016], но это уже тема отдельного исследования. Мне лишь остается надеяться, что изложенное выше окажется небесполезным специалистам как по готскому языку, так и по теоретической морфологии.

¹⁷ Г. Г. Корбет в своих работах, в частности, в книге [Corbett 2012], признает значительное влияние А. А. Зализняка.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность А. В. Кейдану за любезное приглашение принять участие в сборнике и одобрение идеи опубликовать мои готские штудии и А. Раткусу за предоставление труднодоступной литературы, а также Д. М. Зеленскому, Д. С. Николаеву, И. С. Пекуновой, О. А. Смирницкой и О. Хиллу за ценные замечания. Все ошибки остаются всецело на моей совести.

ГОТСКИЕ ПАМЯТНИКИ

CA	Codex Argenteus	C	Codex Ambrosianus C
Car	Codex Carolinus	D	Codex Ambrosianus D
A	Codex Ambrosianus A	E	Codex Ambrosianus E
B	Codex Ambrosianus B	Sk	Skeireins

ЛИТЕРАТУРА

- Аркадьев П. М.* Возможны ли однопадежные системы? // *Znaki czy nie znaki? Zbiór prac lingwistycznych. Tom 2 / red. J. Piątkowska, G. Zeldowicz.* — Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. — S. 9–37.
- Вайан А.* Руководство по старославянскому языку / Пер. с франц. В. В. Бородич / Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. — М. : Изд. иностранной литературы, 1952.
- Гухман М. М.* Готский язык. — М. : Иногиз, 1958.
- Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. — М. : Наука, 1967.
- Зализняк А. А.* О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях I // *Проблемы грамматического моделирования / Отв. ред. А. А. Зализняк.* — М. : Наука, 1973. — С. 53–87.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1977.
- Зализняк 1978/2019* — *Зализняк А. А.* Грамматический очерк санскрита // *Санскритско-русский словарь / В. А. Кочергина.* — М. : Русский язык, 1978. — С. 785–895. — 5-е изд., испр. и доп.: Грамматический очерк санскрита. — СПб. : Нестор-История, 2019.
- Крылов С. А.* «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // *Studia linguarum.* — М. : РГГУ, 1997. — С. 252–315.

- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: Слово / Пер. с франц. Н. Н. Перцовой, Е. Н. Саввиной, общ. ред. Н. В. Перцова, вст. ст. А. Е. Кибрика. — М. : Языки русской культуры ; Прогресс, 1997. — Wiener Slawistischer Almanach. — SBd 38/1.
- Перцов Н. В.* Инварианты в русском словоизменении. — М. : Языки русской культуры, 2001.
- Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. — М. : УРСС, 2000.
- Поливанова А. К.* Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Язык логики и логика языка. Сборник статей к 60-летию В. А. Успенского / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. — Вопросы кибернетики, 166. — М., 1990. — С. 41–69.
- Поливанова 2001/2008.* — *Поливанова А. К.* Формальная парадигматика и классы слов в русском языке // Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15 000 dni pracy naukowej / Red. W. Gruszczyński. — Białystok : Wydawnictwa Uniwersytetu w Białymstoku, 2001. — S. 211–228. — 2-е изд. в А. К. Поливанова / Общее и русское языкознание. Избранные работы. — М. : РГГУ, 2008. — С. 154–175.
- Поливанова А. К.* Старославянский язык. Грамматика. Словари. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013.
- Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б.* Система парадигматических классов глагола в сойкинском диалекте ижорского языка // Вопросы языкознания. — 2020. — № 3. — С. 101–134.
- Ackerman F., Malouf R.* Implicative relations in word-based morphological systems // Cambridge Handbook of Morphology / Ed. by A. Hippisley, G. Stump. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — P. 272–296.
- Baerman M., Brown D., Corbett G. G.* The Syntax-Morphology Interface. A Study of Syncretism. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
- Beade P.* Gothic Phonology: A Generative Approach. — PhD Dissertation, Cornell University, 1971.
- Buckalew R. E.* A Generative Grammar of Gothic Morphology. — PhD Dissertation, University of Illinois at Urbana, 1964.
- Carstairs A.* Allomorphy in Inflection. — London : Croom Helm, 1987.
- Carstairs-McCarthy A.* Inflection classes, gender, and the Principle of contrast // Language. — 1994. — Vol. 70, № 4. — P. 737–788.
- Carstairs-McCarthy A.* Category and feature // Morphology. An International Handbook on Inflection and Word-Formation / Ed. by G. Booij et al. — Berlin : Walter de Gruyter, 2000. — P. 264–272.

- Carstairs-McCarthy A.* The Evolution of Morphology. — Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Corbett G. G.* Canonical inflectional classes // Selected Proceedings of the 6th Décembrettes / Ed. by F. Montermini, G. Boyé, J. Tseng. — Sommerville, MA: Cascadilla Press, 2009. — P. 1–11.
- Corbett G. G.* Features. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Lunt H. G.* Old Church Slavonic Grammar. — 6th ed. — The Hague : Mouton, 1974.
- Lunt H. G.* Old Church Slavonic Grammar. — 7th ed. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2001.
- Miller D. G.* The Oxford Gothic Grammar. — Oxford : Oxford University Press, 2019.
- Mossé F.* Manuel de la langue gothique. Grammaire. Textes. Glossaire. — 2-e éd. — Paris : Éditions Mouton, 1956.
- Ratkus A.* On some morphological properties of the adjective in Gothic // *Kalbotyra*. — 2009. — Vol. 61., № 3. — P. 85–101.
- Ratkus A.* The Adjective Inflection in Gothic and Early Germanic: Structure and Development. — PhD Dissertation, University of Cambridge, 2011.
- Ratkus A.* Gothic possessives, adjectives, and other modifiers in *-ata* // *Journal of Germanic Linguistics*. — 2015. — Vol. 27, № 3. — P. 238–307.
- Ratkus A.* Features of the Gothic adjective, with special reference to determination // *Lingua Gotica: Новые исследования*. Вып. 3. / Под ред. Е. Б. Яковенко. — М. : БукиВеди, 2017. — С. 103–115.
- Ratkus A.* Weak adjectives need not be definite: The evidence of variation in Gothic // *Indogermanische Forschungen*. — 2018. — Bd. 123, № 1. — S. 27–64.
- Sims A., Parker J.* How inflection class systems work: On the informativity of implicative structure // *Word Structure*. — 2016. — Vol. 9, № 2. — P. 215–239.
- Snædal M.* Ostgermanische Morphologie // *Chatreššar. Morphology and Digitisation. Proceedings of the International Conference, Berlin, July 7–8 2006*. — Praha : Univerzita Karlova v Praze, 2009. — S. 147–167.
- Streitberg W.* Die gotische Bibel. Zweiter Teil: Gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch. — Heidelberg : Carl Winter, 1910.
- Streitberg W.* Gotisches Elementarbuch. — 5. & 6. Aufl. — Heidelberg : Carl Winter, 1920.
- Stump G. T.* Inflectional Morphology. A Theory of Paradigm Structure. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
- Stump G. T.* Inflectional Paradigms. Content and Form at the Syntax-Morphology Interface. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016.
- Stump G. T., Finkel R.* Principal parts and morphological typology // *Morphology*. — 2007. — Vol. 17, № 1. — P. 39–75.

- Stump G. T., Finkel R.* Morphological Typology. From Word to Paradigm. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
- Wright J.* Grammar of the Gothic Language. — Oxford : Clarendon Press, 1910.